

Библиотека журнала «Мишпоха»
Серия «Мое местечко»

Аркадий Шульман

УНЕСЕННЫЕ ВЕКОМ

Очерки

Минск
«Медисонт»
2012

УДК
ББК
Ш

Шульман А.Л.
Ш –

Унесенные веком: очерки / Аркадий Шульман; 2012.

ISBN

«Унесенные веком» – восьмая книга в серии «Мое местечко». Рассказывает об истории и жителях населенных пунктов, бывших когда-то еврейскими местечками. Рассчитана на широкий круг читателей.

УДК
ББК

ISBN

УНЕСЕННЫЕ ВЕКОМ

Деревня с названием Добромысли. Сегодня – это центр сельского совета Лиозненского района, а когда-то – известное еврейское местечко Добромысль с богатой историей.

Нет точных данных о времени его основания. Но если судить по хасидским преданиям, то отсчет следует вести с начала XVII века.

Есть легенда, объясняющая красивое название Добромысль. Когда-то, в старые времена, на тракте, ведущем из Любавичей в Витебск, на этом месте стояли только корчма и заезжий двор. Здесь останавливались проезжие, среди которых было много торговых людей. В иные дни всем даже не хватало места в заезжем дворе. Корчмарь еврей решил сделать новые пристройки. Он рассказал об этом местным белорусам, которых собирався нанять на работу, и те ответили: «Добрая мысль», то есть хорошая мысль. Вскоре было построено несколько новых домов, и место стало называться Добромысль.

Рядом с заезжим двором стали селиться люди. Их привлекал тракт, по которому по тем временам было довольно оживленное движение. Торговые люди везли товары в Любавичи, где в XIX – начале XX века проходила крупнейшая в Могилевской губернии ярмарка с денежным оборотом более 1,5 млн. рублей.

С 1813 года резиденцией второго Любавичского ребе Дов Бера стали Любавичи. Хасиды, последователи Любавичского ребе, ехали и шли из многих городов и местечек, чтобы увидеть, услышать, получить совет от своего цадика¹. Дорога из отда-

ленных мест занимала тогда много дней. Паломники останавливались в Добромисли на ночлег. Все это приносило доходы добромисленским жителям.

Местечко Добромисль часто упоминается в хасидских преданиях.

По меньшей мере, дважды на довольно продолжительный срок сюда приходил реб Борух – отец основоположника ХАБАДа² и первого Любавичского ребе Шнеура-Залмана.

В Добромисли жил праведный и странный еврей реб Авраам-Беньёмин. (Впрочем, праведники всегда кажутся странными для окружающих.) Реб Авраам-Беньёмин не гнался за богатством, хотя работал не покладая рук. В его хибарке никогда не было вдоволь еды, но в пятницу вечером, проходя мимо его окон, можно было почувствовать, что такое для еврея настоящая субботняя радость. Реб Авраам-Беньёмин всегда был весел, добродушен, в хорошем настроении. Когда его сочувственно спрашивали, как он поживает и каковы его дела, реб Авраам-Беньёмин отвечал:

– О чем тужить? Мой старшенький паренек Шломо учится в иешиве³, Довид-Арье и Хаим-Элиягу – в хедере⁴, а малыши учатся понемногу голодать...

Одним из первых раввинов Добромисли был Малкиел-Цви. Он умер в 1630 году, и его место занял тридцатилетний сын Танхум-Шмуел.

Любимцем добромисленских евреев стал зять Танхума-Шмуела – реб Гавриел. Умный, добрый, веселый, он учил местных евреев, как избегать сплетен. Говорил, что это яд, отравляющий жизнь. Учил, как улучшать отношения не только между мужем и женой, но и между соседями.

Реб Гавриел был раввином до 1730-х годов. После его смерти раввином местечка стал его зять реб Зевулул-Мордехай. Внук реб Гавриела был женат на дочери гаона (мудреца) из соседнего местечка Бабиновичи реб Тувыи-Ашера. Я подробно останавливаюсь на раввинских династиях, потому что хасидское учение, философия хасидизма в этих краях получила широкое распространение.

Предприимчивые люди, а жило их здесь немало, выращивали и продавали лен, картофель, овощи, яблоки. В 1858 году в Добромисли было заложено пивоваренное производство, которое, впрочем, просуществовало недолго.

Лесной бизнес в те времена был одним из самых востребованных и процветающих в здешних краях. Белорусский лес пользовался хорошей славой и покупался в Европе и Америке. Добромисленские жители активно занимались разработкой и продажей леса. Его сплавляли по рекам Чернице, Лучёсе и Западной Двине до Балтийского моря. В местечке были построены крупные склады для хранения леса.

Красота здешних мест также привлекала людей. Добромисль находится в песчаной долине, окружена сосновыми борями и березовыми рощами. В реке Чернице была исключительно чистая вода, а воздух считался целебным, особенно для легочных больных.

В 1830-х годах Добромисль получила статус местечка. Жители этого населенного пункта стали считаться мещанами⁵. Согласно принятым на территории Российской империи в 1882 году «Временным правилам», евреям было запрещено селиться, приобретать и арендовать недвижимость в селах и деревнях. Местечки под этот запрет не попадали. В местечках, насчитывающих не менее десяти дворов, разрешалось образовывать мещанские общества, которые могли избирать старосту.

В 1851 году в местечке Добромисль проживали 353 еврея, в 1865 году – 298, в 1869 году – 228.

В середине XIX века здесь действовали синагога и четыре хедера. Раввином был Хаим Минц. В 1870 году раввином стал Иехезкель Казаков.

(Российская Еврейская Энциклопедия, Москва, 1994)

«Жителей в Добромисли к 1880 году насчитывалось: 161 мужчина и 171 женщина, в том числе православных – 27 мужчин и 33 женщины, евреев – 134 мужчины и 138 женщин (еврейское население составляло 81,9% – А.Ш.), домов деревянных – 47 (из них 7 принадлежат христианам, 40 – евреям), одна

деревянная лавка, одна каменная православная церковь и одна еврейская молитвенная школа (синагога).

В Добромысли находились волостное управление и народное училище».

(«Опыт описания Могилевской губернии».

Под редакцией Зембовицкого, стр. 108, т. II, Могилев, 1884).

Последняя синагога в Добромысли построена в 1890 году. Она находилась на Бабиновичской улице и была сделана из дерева.

(Государственный архив Витебской области (ГАВО), ф. 1821, оп. 1, д. 142, л. 18.; ГАВО, ф. 2356, оп. 1, д. 31, л. 22).

Перед Первой мировой войной купец Барышкин откупил у помещика Комаровского пять тысяч гектаров леса. Построил два лесопильных завода: один на Лысой горе, второй – рядом с местечком Добромысль. Здесь пилили лес, делали доски, рейки.

В 1908 году в местечке проживало 646 человек, из них евреев – 618. Еврейское население занималось портняжным, сапожным, столярным и кузнечным ремеслами, извозом, работало на лесопильном заводе, вело торговлю лесом, мелкую торговлю с жителями окрестных деревень.

Идиш повсеместно звучал на улицах местечка. Белорусы, русские не только понимали язык, но и при случае могли говорить на идише. Еврейские праздники становились праздниками всего местечка.

В начале XX века почту в Добромысль доставляли на конях по почтовому тракту из Лиозно, а дальше ехали в Бабиновичи. Занимались этим нелегким трудом два человека – Максим Лагунов и Велиан Долганов.

Однажды в дом Соломона Гадаскина почтальон принес почтовую открытку. Она была отправлена из Иркутска почти пять месяцев назад. Для тех лет – вполне нормальный срок доставки корреспонденции. Адрес был написан по-русски, а весь остальной текст – на идише. Сын Соломона – Исаак писал, что он и его семья, благодаря Богу, здоровы, у них родился третий мальчик, назвали его Янкелем. Дети приносят в

дом радость. Он много работает и, возможно, летом следующего года навестит родителей.

Открытка была написана в 1913 году. Дождались Соломон Гадаскин и его супруга сына или нет, я не знаю. Открытку случайно увидел у коллекционеров. Как Исаак попал в Иркутск, кем там работал, выяснить не смог. Проходит время, и стирается память о целых поколениях.

Фамилия Гадаскин в начале XX века была довольно распространённой в Добромысли. Но конкретные факты биографии мне удалось узнать только о Семене Абрамовиче Гадаскине, 1920 года рождения, погибшем на фронте в 1945 году, перед самым окончанием Великой Отечественной войны. Не знаю, приходился он родственником Соломону и его сыну Исааку, или нет.

В XIX – первой трети XX века ежегодно 19 августа, на яблочный Спас – христианский и народный праздник, в Добромысле устраивалась большая ярмарка. Съезжались люди из окрестных деревень, местечек и даже из Витебска, Орши, Смоленска. Продавали, покупали, договаривались о будущих покупках. Приезжали, чтобы узнать новости, поговорить. Праздник был большой. После торгового дня мужчины обычно пропускали по стаканчику вина или чего-нибудь покрепче, и тогда разговорам не было конца. Ярмарка проходила на улице и на площади, где стояла пожарная каланча. Это место считалось центром местечка...

К добромысленскому обществу были приписаны предки художника Марка Шагала. Его дед Довид-Мордух Еселев Шагал родился в 1825 году. Приехал в Лиозно из Добромысли. Отец художника Хацкель, родившийся в 1863 году, также числился добромысленским мещанином.

Юлия Степанец в статье «Из истории семьи Шагалов: новые архивные документы» пишет: «Первое упоминание о семье Шагалов встречаем в томе “Посемейных списков купцов и мещан евреев г. Витебска”, составленном на 1 января 1881 года.

(Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 2496, оп. 1, д. 2525).

Под № 1558 по ревизской сказке в графе «Прозвание (или фамилия), имя, отчество лиц мужского пола» читаем: «Шагал Довид Еселев».

В графе «Возраст. Лета к 1 января того года, в котором составлен посемейный список (т.е. 1881 г. – Ю.С.)» – «56 лет».

В графе «Год, месяц и день рождения по метрике» – Записей нет.

В графе «Отметка о прибыли и убыли лиц мужского пола после составления списка» читаем: «Внесены по дате указанной Мещанской управой 15 августа 1880 года № 2551. Довид Еселев с сыном Гиршею исключен, предписанием Казенной палаты от 5 декабря 1883 года № 18306 за перечислением в Добромысленское общество Оршанской управы».

Позднее к Добромысленскому обществу был причислен и отец художника Хацкель Шагал, потому что в «Списках владельцев недвижимого имущества города Витебска за 1915 год» он записан, как добромысленский мещанин, владелец одноэтажного каменного дома с лавкой, деревянного дома, двух флигелей во дворе и дощатого сарая на Покровской улице в 3-й части г. Витебска.

(НИАБ, ф. 2496, оп. 1, д. 5182, с. 354–355).

В биографии Марка Шагала, написанной его зятем Францем Мейером, читаем: «Несколькими поколениями ранее предки Шагала уехали в Витебск из более южной Могилевской губернии. Свидетельство о его рождении было зарегистрировано еще не в Витебске, а в его настоящей общине, выходцем из которой он был, – Добромысль. Сначала фамилия звучала как Сегал. Она была изменена на Шагал только отцом художника».

(Meyer Fr. Marc Chagall. Paris, 1995. P.19).

(Цитируется по статье: Юлия Степанец

«Из истории семьи Шагалов: новые архивные документы».

Бюллетень Музея Марка Шагала. № 2. 2000 г., С. 3.)

С Добромыслью связаны биография и творчество еще одной известной художницы Елены Аркадьевны Кабищер. В молодости она жила и училась в Витебске, была знакома

с Марком Шагалом, но вряд ли в их разговорах всплывало название местечка Добромысль. Молодость, революция, новые идеи, новое видение мира и искусства... До местечка ли им было с его патриархальными устоями? Через несколько лет Елена Кабищер-Якерсон, уже известный художник, жена скульптора Давида Якерсона, жившая в Москве, приезжала летом в Добромысль. Местечко стало дачным и пользовалось хорошей репутацией среди москвичей. Работалось здесь легко и в удовольствие. В 1925 году Елена Кабищер-Якерсон написала серию живописных работ: «Местечко под Витебском», «Колодец в местечке», «Похороны в местечке».

В воспоминаниях Аркадия Либермана есть строки: «По материнской линии я помню прадеда. Это был сухонький седой старичок, который жил в Ленинграде у своей дочери Эстер (сестры моей бабушки). Прадед был крестьянином и почти всю жизнь провел в местечке Добромысль, что расположено примерно в 40 километрах от Витебска. Это была одна из местностей, находящихся в так называемой „черте оседлости“, где царское правительство разрешало жить евреям. Мы с мамой, когда я еще был мальчиком, два лета отдыхали у родственников в Добромысли».

...Моя бабушка Гинда родилась в Добромысли, но потом переехала в Витебск, где вместе с мужем – моим дедушкой – открыла салон-парикмахерскую. В этом салоне оба и работали.

Из моих родных по материнской линии особенно близки мне были тетя Елена Аркадьевна Кабищер-Якерсон и ее муж Давид Аронович Якерсон – оба воспитанники художественного училища, основанного Марком Шагалом в Витебске».

Художница была родной сестрой мамы Аркадия Либермана – Анны Аркадьевны Кабищер.

(Либерман А.Н., «Помню. Страницы жизни», С–Пб., Изд. 2-е, 2006 г.)

События первой трети XX века вихрем пронесли над всей страной, и местечко Добромысль, если и не находилось в их эпицентре, то в полной мере почувствовало на себе и рево-

люцию, и Гражданскую войну, и становление новой социалистической жизни. Каждая семья по своему пыталась приспособиться к новым реалиям. Старики, обремененные нелегкой памятью, со страхом следили за политической жизнью страны. «Евреям ничего хорошего это не принесет», – по любому поводу говорили они. Молодежь стремилась к новой жизни.

...В 1905 году по призыву социал-демократов у помещика Комаровского сожгли коровник. Под окнами дома помещика Пиора прозвучали выстрелы...

В середине 60-х годов XX века добромислянин, активный участник становления Советской власти в местечке, К. Курачкин рассказал корреспонденту газеты «Віцебскі рабочы» о первом послереволюционном дне в Добромисли. «Неизвестно, кто принес это известие в Добромисль. Но утром следующего дня в местечке уже знали, что в Петрограде – революция. На улице то там, то здесь собирались группы людей, которые обсуждали эту неожиданную для всех нас новость. Никто не вышел на работу, на большой замок была закрыта управа, опустела усадьба пана Пиоры. А дней через пять в местечке появился человек, одетый в кожаную куртку. Его фамилия была Андрей Соколов. Родом из Петрограда, работал на Путиловском заводе.

И тогда же из революционно настроенной молодежи был организован культурно-просветительский кружок, который через некоторое время превратился в комсомольскую ячейку. Членами его стали Аструк, Фишель, Фамин, Моисей Контарович, Саня Городской, Петр Моисеев, Роза Казакова.

Мы ездили по деревням, собирали у населения хлеб, картофель для отправки в голодающие районы страны и в армию. Вели борьбу с дезертирами и кулаками, изучали военное дело, создали Народный дом, в котором часто ставили спектакли. Из книг, которые забрали у пана, организовали библиотеку. По инициативе ревкома в Добромисли открыли школу по ликвидации безграмотности».

(Газета «Віцебскі рабочы», 17 сентября, 1966 г.)

Новая власть понимала, что для управления местечком не достаточно только приезжих рабочих-путиловцев и молодых активистов. 2 марта 1918 года был создан военный комитет в составе четырех человек. Через несколько дней из Орши прибыл назначенный военным комиссаром Федор Янчик. Он получил задание создать резерв лошадей при военном комиссариате. Под руководством Янчика был образован отряд Красной Армии из 25 человек...

18 декабря 1918 года добромисленские большевики написали письмо Владимиру Ильичу Ленину. Думаю, не по заданию вышестоящих партийных органов. Это было вызвано искренним желанием поделиться мыслями с пролетарским вождем. Письмо заканчивалось словами: «Товарищи, все в Коммунистическую партию. Она доведет нас до царства социализма».

Наверное, с тех самых пор по наследству передается майса⁶ о том, как устанавливалась новая власть в местечке.

«В Добромисли создалась первая комсомольская ячейка. Всего человек пять. Решили они отметить советский праздник. Пробежали по домам и сказали, что, когда будут шествовать со знаменем по улице, все должны выйти из домов и радостно кричать: “Ура! Ура!”.

– Бабушка Циля! Выходи, уже идут! – позвал ее внук Залманка.

Циля, едва переставляя ноги, вышла на улицу и плюхнулась на скамейку. По улице шли комсомольцы – пять человек с красными бантами. Они пели, то есть орали:

*Мы наш,
Мы новый мир построим,
Кто был никем,
Тот станет всем!*

Колонна приближалась.

– Ура! Ура! – обязательные слова, кто тихо, кто громко, проносили во всех дворах.

– Зол ба мир зайн азейхел цорес (Чтобы у меня было столько горя... – идиш), как я могу кричать: “Ура! Ура! Ура!” – сказала

бабушка Циля и спросила у внука: – Залманка, детка моя, скажи мне, они будут делать погром?»

*(Журнал «Мишпоха», № 21,
Рема Никитна «Самые вкусные лепешки»)*

После отмены пресловутой «черты оседлости» еврейское население в Добромисли стало уменьшаться. Молодежь в начале двадцатых годов активно подалась в столицы, в большие города, чтобы учиться, получать специальности, работать на заводах, фабриках. Молодым людям во все времена хочется более интересной, благоустроенной и неизведанной жизни.

К 1923 году в Добромисли проживал 271 еврей.

(Российская Еврейская Энциклопедия, Москва, 1994).

На пожелтевших от времени документах, которые хранятся в Государственном архиве Витебской области, зафиксирована история местечка. С трудом разбирая слова, написанные выцветшими чернилами, я знакомился с событиями восьмидесятипятилетней давности.

Во второй половине 1924 года в Добромисли было шесть членов и кандидатов в члены Коммунистической партии Белоруссии. А всего в Лиозненском районе было 28 членов партии и 10 кандидатов. Большинство из них составляли рабочие-белорусы.

«Национальный состав: евреев – 4 процента, латышей – 1 процент, остальные – белорусы».

(ГАВО, ф. 88, оп. 2 а, д. 1)

Секретарем партийной ячейки в то время был Карл Берзин, рабочий Выдрейского лесопильного завода. Ответственным секретарем ячейки Коммунистического Союза Молодежи Белоруссии, заведующим избой-читальней, кандидат в члены партии, 21-летний Моисей Канторович.

В отчете о проделанной Добромисленской организацией КПБ работе за ноябрь 1924 года записано: «Имеется кружок поллитграмоты, занимается два раза в неделю в клубе лесозавода совместно с беспартийными рабочими.

Для проведения Октябрьских торжеств была собрана комиссия из всех организаций. Накануне праздника было торжественное заседание и спектакль.

В день праздника был митинг около избы-читальни, вечером на заводе был спектакль на белорусском языке. После спектакля была товарищеская закуска.

8 ноября в артели Вишняк был спектакль и доклад».

(ГАВО, ф. 88, оп. 2 а, д. 1)

Сообщение о «товарищеской закуске» сегодня вызывает улыбку. Думаю, добромисленские коммунисты немало поломали голову, под какими словами спрятать в отчете сообщение о застолье.

В документах тех лет нередко встречаются словесные обороты, которые сегодня воспринимаются порой с улыбкой, порой с недоумением. Но для жителей местечка это и была сама жизнь.

«Протокол заседания бюро Добромисленской ячейки КПБ от 15.11.1925 г. Слушали заявление т. Берзина о том, что т. Керзон не считает нужным за последнее время являться на собрания и заседания кружков, отговариваясь отсутствием обуви...»

Из ячейки КСМБ в 1925 году был исключен Алтман «за пристрастие к выпивке и способствование в распространение самогона».

(ГАВО, ф. 88, оп. 2 а, д. 7)

Местечко Добромисль, как и вся страна, расколось на два лагеря, причем зачастую трещина непонимания проходила по семьям, отдаляла детей от родителей, ссорила братьев, сестер.

В июле 1923 года в иудейской религиозной общине Добромисли насчитывалось 53 человека, пятеро из которых составляли приходской совет, руководивший делами общины. Старостой совета был Бенокин Абрам. Раввином Добромисли – Рытво Шмуила Янкелевич.

(ГАВО, ф. 104, оп. 2, д. 15, л. 299; ГАВО, ф. 1821, оп. 1, д. 693, л. 53 об.; ГАВО, ф. 449, оп. 1, д. 2639, л. 108).

Синагога была закрыта в начале 1924 года. 31 января Добромысленский волостной исполком постановил оборудовать в здании синагоги пункт для прохождения военнообязанными допризывной подготовки. 15 февраля данное постановление было утверждено Витебским уездным исполкомом, а буквально на следующий день – губернскими властями. Витебский губисполком ссылался на то, что в Добромысли не было других построек, которые можно было бы использовать как учебный пункт.

(ГАВО, ф. 104, оп. 1, д. 84, л. 33 – 33-об).

Аргументация хорошо знакомая и безотказно действующая во все времена.

К сожалению, архивные документы не позволяют точно ответить на вопрос, было это изъятие синагоги у верующих временным или нет. В «Списке церквей и молитвенных домов всех религиозных конфессий по Витебскому округу» за 1928 год упоминается «Добромысленская еврейская община».

(ГАВО, ф. 289, оп. 1, д. 76, л. 17).

Но следует ли понимать данную запись, как возвращение синагоги верующим? Или все же более вероятным является другой вариант: иудейская община местечка продолжала действовать без синагоги, и верующие собирались на молитвы в частных домах.

Новая власть боролась не только с религией. Она ломала вековые устои, не позволяла проводить народные праздники. Разрешалось только то, что прославляло Советскую власть, звучало в унисон с идеологией диктатуры пролетариата. И память людей о жизни предшествующих поколений этому мешала. Власти предлагали забыть о своих предках, предать забвению их жизнь. И многие не только охотно соглашались с этим, но и становились пропагандистами новых идей.

В 1919-м или самом начале 1920-х годов добромысленские власти изъяли из ведения раввина метрические книги. До 1924 года они еще хранились в Добромысленском волостном исполкоме, но в связи с ликвидацией волости книги с метрическими записями

были переданы Лиозненскому райисполкому. Это был богатый архив, насчитывающий 61 тетрадь с записями о родившихся за 1854 – 1856, 1858 – 1860, 1862 – 1872, 1874 – 1917 гг., 53 тетради с записями об умерших за 1854 – 1863, 1865 – 1874, 1876 – 1892, 1895 – 1900, 1902 – 1904, 1906, 1908, 1910, 1912, 1914 – 1916 гг. и 45 тетрадью с записями о браках за 1855, 1857 – 1866, 1869, 1873 – 1874, 1880 – 1883, 1885 – 1891, 1893 – 1900, 1902 – 1904, 1906 – 1913, 1915 гг.

(ГАВО, ф. 118, оп. 1, д. 584, л. 15 – 15-об).

23 октября 1929 г. архив метрических книг переместился из Лиозно обратно в Добромысль (в сельский Совет). Правда, за эти пять лет были утеряны записи о родившихся за 1854 – 1855, 1867, 1870 – 1872 гг. Одновременно архив пополнился книгами записей о браках за 1867, 1870 – 1872, 1879, 1884 гг.

(ГАВО, ф. 160, оп. 1, д. 40, л. 53).

Дальнейшая судьба архива добромысленской синагоги сложилась печально: почти весь он был уничтожен. До наших дней сохранилась его незначительная часть: книги записей за 1854 г. Сейчас они хранятся в Национальном историческом архиве Беларуси в Минске.

(НИАБ, ф. 2403).

Так делали Иванов или Абрамов (имя можно использовать любое), не помнящих родства.

И все же значительная часть еврейского населения местечка Добромысль не спешила бросаться в обнимку к новой власти. И тогда решено было усилить пропагандистскую работу среди еврейского населения. На заседании добромысленской ячейки КПБ от 23 ноября 1926 года был поставлен вопрос о создании еврейского бюро с ячейкой Коммунистического Союза Молодежи Белоруссии. 13 апреля 1927 года добромысленские коммунисты снова вернулись к этому вопросу и решили «усилить работу среди евреев, так как партийцев-евреев нет».

(ГАВО, ф. 88, оп. 2-а, д. 7)

В 1928 году евработником (так назывался человек, отвечающий за работу среди еврейского населения) в добромысленской ячейке Коммунистического Союза Молодежи Белоруссии был назначен тов. Лагускер, он же – председатель местной потребкооперации. Другие обязанности были распределены следующим образом: «...к Заозерскому Красному уголку прикрепить тов. Лебедева, Тумаринсона Соломона прикрепить к массовику, Алтман Голду – выделить представителем в школьный совет и прикрепить к массовику, Каплунова – в Красный уголок Артемова... Для практической работы в избе-читальне выделить следующих товарищей: Гадаскина Исаака, Ритберга Альфреда, Новикова Ф., Растотурова, Тумаринсона Соломона, Свиридова Сергея...»

(ГАВО, ф. 88, оп. 2-а, д. 7)

Было изменено название населенного пункта, и теперь вместо местечка Добромысль появились на карте Добромысли. Наверное, посчитали, что добрых и хороших мыслей у жителей страны, строящей социализм, стало много, а потому в названии населенного пункта слово «мысль» обрело множественное число.

...Я много раз бывал в Добромыслях уже в XXI веке, беседовал с местными жителями, заходил в их дома, а то и просто садился на скамеечку рядом с чьим-то палисадником и пытался представить, каким было это местечко восемьдесят или девяносто лет назад. Моих знаний о белорусских местечках, а все они были в чем-то похожими друг на друга, моего воображения не хватало для этого.

Я понимал, что без воспоминаний местных старожилов не обойдусь.

Довоенных жителей местечка, тех, кого я сумел разыскать с помощью интернета, объявлений в газетах, благотворительных организаций и местной добромысленской власти, можно сосчитать на пальцах одной руки. Причем, это сказано в буквальном смысле слов.

Встреча с Ремой Никитиной (Кнотько) состоялась в Борисове. В послевоенные годы она жила в Сибири и в этом бело-

русском городе. До выхода на пенсию работала учительницей. Рема Никитина часто в детстве бывала у бабушки с бабушкой в Добромыслях. Наверное, литературный дар, умение интересно рассказывать передался ей по наследству от мамы – белорусской журналистки. В детские годы Рему, когда ее не с кем было оставить дома, мама брала с собой в редакцию газеты, где она обычно играла под ее письменным столом. Слушая воспоминания о Добромыслях, я чувствовал, что они пронизаны не только добротой, но и самим воздухом этого местечка.

«Я 1930 года рождения. А это было, скорее всего, в 1933–1934 годах. К тому времени бабушка с бабушкой уже были очень бедны – у бабушки отобрали лошадь, на которой он раньше развозил по деревням баранки. Дедушка Лейбе-Юда был бараночником: вся семья с утра до вечера месила тесто и пекла баранки в огромной печи. Забрали у бабушки и пару мешков муки. Остались печь, фанерный шкаф в углу, где хранилась Тора, и на вешалке единственный дедушкин пиджак.

Бабушка Хана очень горевала, что нечем меня кормить. В это время в сельсовете давали беднякам по одному килограмму муки. Дедушка был гордый человек и наотрез отказался идти туда. И тогда бабушка, закутав меня в большой платок, так, чтобы только нос торчал, отправилась на другой конец улицы к «богатым» – у них еще был картофель.

– Здравствуйте, может, вы еще не выбросили кожуру от картошки? Моя внученька, вот она, – бабушка развязывала платок и показывала мое личико, – очень любит лепешки из такой кожуры. Больше ничего кушать не хочет.

Мы идем назад. Бабушка несет кожуру от картошки. А я не понимаю, почему по ее лицу текут слезы».

Ремы Никитиной уже нет с нами. Уходят последние жители довоенных местечек, те, кто знал о них не по докладам на научных конференциях, не по архивным документам, а был частью той жизни.

Приезжая в Добромысли, я делаю обязательный визит к председателю местного сельского исполнительного комитета Надежде Алексеевне Попелковской. И не только потому, что надо отметить

командировку. Надежда Алексеевна отзывчивый и доброжелательный человек, хорошо знающий всех жителей Добромыслей. Она готова прийти на помощь советами, рекомендациями.

Однажды Надежда Алексеевна рассказала мне, что к памятнику расстрелянным в годы войны евреям местечка приезжала из Минска женщина. Зовут ее Любовь Ефимовна. Фамилии она не помнила. У этой женщины здесь погибли отец, дедушка, другие родственники. Любовь Ефимовна положила у памятника желтые цветы и пообещала, что в следующий раз постарается приехать с детьми и внуками, которые живут в Москве.

Информации у меня было совсем немного. И все же я принялся разыскивать Любовь Ефимовну. Просматривая свидетельские листы, которые заполняют для Израильского музея Катастрофы и Героизма Яд-Вашем родственники жертв Холокоста, я нашел фамилии тех, кто погиб в Добромыслях. (Конечно же, там собран пока далеко не полный список.) Среди приславших свидетельские листы были пожилые женщины из Минска.

Так я познакомился с тремя сестрами. Одна из них – Любовь Ефимовна Бахтиярова. Это она приезжала к памятнику. Ее девичья фамилия Блюмина, а паспортное отчество Хаим-Шмерковна. Она 1928 года рождения, и ей уже немало лет, но в компании трех сестер – младшая. В Добромыслях жила до пяти лет.

Средняя сестра Софья Ефимовна Перкина – жена писателя Наума Соломоновича Перкина – автора книги «Мальчик из местечка». Софья Ефимовна, фактически подготовившая после смерти мужа эту книгу к печати, интересно рассказывала мне о своей жизни, о том, как в годы сталинских антисемитских компаний, будучи студенткой университета, из Сары Хаимовны стала Софьей Ефимовной, о том, как многие годы проработала в школе. Но когда речь зашла о Добромыслях, посоветовала поговорить со старшей сестрой.

Екатерине Ефимовне Динерштейн (Блюминой) под 90 лет. Но у нее на редкость хорошая память. (Уже в ходе нашей бе-

седы я понял, что три сестры Блюмины – родственники Ремы Никитиной из Борисова.)

– В детстве я была Кися Хаимовна, – начала свой рассказ Екатерина Ефимовна. – Папу звали Хаим-Шмерка. Он работал в лесничестве техником. Дед был тоже из Добромысли, и тоже работал в лесничестве. Жил с нами. Звали его Берка. Помню, как дед молился. Расстилал на полу талес, брал Тору и молился, стоя на коленях.

Бабушка рано умерла.

Папа очень любил музыку. Играл на флейте. Дома хранилась фотокарточка, где он запечатлен играющим на этом музыкальном инструменте.

Изменились времена, и, как говорили древние, – изменились нравы. Сложно сейчас представить деревенского мужчину, музицирующего на флейте. В почете другие музыкальные инструменты.

– Маму звали Стерна Берковна, ее девичья фамилия – Азаркевич. Она 1891 года рождения, – продолжает свой рассказ Екатерина Ефимовна. – Азаркевичи – добромысленская фамилия. Мама работала в магазине продавщицей.

Дома родители больше говорили по-русски. А дед разговаривал только на идише.

Мама была очень симпатичной женщиной. Есть ее портрет, который художник нарисовал, когда мы уже переехали в Витебск. Этот портрет, считайте, единственное, что мы взяли с собой в эвакуацию. Сняли его со стены, скрутили в трубочку и забрали с собой. Наверное, он был очень дорог маме. Портрет и сейчас у меня в квартире на стене висит. Правда, недавно пришлось его реставрировать.

У Азаркевичей было шестеро детей. Мамин старший брат Лейбе-Юда Азаркевич жил в Добромысли. У него была лошадь. Он выпекал баранки и развозил их.

У Лейбы-Юды две дочери: Рахиль и Злата.

Мамина старшая сестра Черня, по мужу она была Эпштейн, держала в местечке «Чайную». Когда кто-то приезжал в Добромысль, к ней непременно заходил.

– Чем угощали в «Чайной»? Что люди пили? – наивно спросил я.

– Как что? – удивилась Екатерина Ефимовна и уверенно ответила: – Чай.

Сегодня при встречах пьют в основном другие напитки. И снова я вспомнил древнее изречение «о временах и нравах».

– Дом тети Черни стоял около у реки. Когда мне было лет семь, в Добромысли случился большой пожар. Все бежали прятаться в лес. И мы ушли из дома. Я младшую сестру вела за руку. Во время пожара у тети Черни сгорел дом. Потом ее дом отстроили заново. Сын тети Черни – Валентин, был кадровым военным, окончил Военную академию им. Фрунзе.

Еще у мамы было два брата и сестра, но они уехали в Америку из Добромысли в 1917 году, еще до революции. Посылку нам однажды прислали. Для бабушки там был талес и Тора. Может, были и другие посылки, но я их не помню.

Конечно, жителей местечка затрагивали глобальные проблемы, которые интересовали всю страну, но в центре внимания были свои повседневные заботы.

В 1922 году все жители Добромысли: и иудеи, и православные, бурно обсуждали события, в центре которых был дед трех сестер Блюминых – Берка Азаркевич. Давно ушел в мир иной этот человек, а память о нем хранится в архивных папках.

В апреле 1922 года Алексей Маковецкий подал жалобу, что на его земле, засеянной к урожаю 1922 года при местечке Добромысль, ежедневно пасется скот граждан вышеназванного местечка, и от этого рожь может погибнуть. Комиссия вышла на место и обследовала земельный участок. Проверяющие насчитали девять коров, которые паслись там. «Три коровы Макара Холонькова, одна – черной масти Шифры Тумаринсон, одна – пегой масти Шефтеля Тумаринсона, одна – сивой масти Симона Замфорта, одна – рыжей масти Менделя Дошалыта, одна рябо-красной масти Ильи Оструна, одна – рыжей масти Анатолия Замфорта».

Народный суд оштрафовал хозяев этих коров на общую сумму в 1 миллион 900000 рублей и решил указанную сумму штрафа обратить на нужды волисполкома.

Местечко бурно обсуждало суровое наказание. Кто-то считал, что Маковецкий прав, а кто-то посчитал себя обиженным и решил, что так дело оставлять нельзя. Отомстить решил Берка Залманович Азаркевич, которого не оштрафовали и который к данному делу личного отношения не имел. 13 июля 1922 года он написал заявление в земельный отдел Добромысленского волисполкома. «Осенью прошлого года гражданин местечка Добромысль Маковецкий засеял самовольно мой огород рожью. Принимая во внимание, что приближается время жатвы и гражданин Маковецкий снимет с моего огорода посеянную им рожь, что таковая мне нужна самому, ввиду многочисленности моей семьи. Прошу этот огород закрепить за мной».

Долго шло разбирательство. Местечковое многоголосье крепло день ото дня. Наконец, 5 октября 1922 года состоялось заседание судебной комиссии Добромысленского волземуправления, которая решила вопрос в пользу Маковецкого, так как Азаркевич четыре года не пользовался этим огородом.

Берка Залманович снова почувствовал себя обиженным. Он уже не вспоминал о тех коровах, которые паслись весной на огороде, не вспоминал о друзьях, которые подбили его на это дело. Он посчитал, что с ним лично несправедливо обошлись. И Азаркевич написал заявление в Витебское уездное земельное управление.

«Такое постановление я нахожу неправильным и незаконным, а именно: в постановлении сказано: якобы означенным участком пользовался ранее не я, а моя родня. Тогда как у меня имеются квитанции о внесении платы за означенный участок, даже в сем году был уплачен коммунальный налог от 17 сентября.

Имею от роду 72 года, а семья – четыре души».

Но Витебское уездное земельное управление тоже решило в жалобе Азаркевичу отказать, а участок закрепить за Маковецким.

(ГАВО, ф. 161, оп. 1, д. 124)

Сегодня никто не ответит на вопрос, кто был в этом споре прав, кто виноват. Но если бы местечко Добромысль было, говоря сегодняшним языком, горячей точкой, конфликт мог легко перерасти в межнациональный. Все предпосылки для этого были. Но, изучив документы, я нигде не нашел и намека на обострение отношений между евреями и белорусами. Такое событие осталось бы надолго в памяти, как сохранились у последующих поколений рассказы о пожаре, который уничтожил значительную часть местечка. Никто из тех, с кем я беседовал, ни разу даже не обмолвился о конфликте между евреями и белорусами. Говорили, что жили два народа по-соседски. Иногда ссорились люди, но дальше перебранки дело не доходило.

– К Пейсаху в Добромысли всю мацу выпекали в одной печке, – продолжает свой рассказ Екатерина Ефимовна Динерштейн (Блюмина). – Все ходили в один дом ее выпекать. Потом развозили мацу. У нас дома она лежала штабелем, накрытая чистой скатертью.

К Пейсаху на чердаке хранилась отдельная посуда. На каждый день была другая посуда. Свинину мы никогда не ели. Помню праздники, когда во дворе шалаши строили.

Екатерина Ефимовна вспомнила про праздник Суккот⁷, хотя и забыла его название. Впрочем, думаю, что в местечке этот праздник называли на идише «Суккес».

– В Добромысли была еврейская школа. Она занимала одну комнату в деревянном доме. В ней учились дети с первого по четвертый класс. Учеников было порядочно. Учительницу звали Лея Пиратинская, она же была и директором школы.

Помню еврейское кладбище в местечке. Я боялась туда ходить: старые могилы, островерхие камни, вросшие в землю... Зрелище не для маленького ребенка. По другую сторону от кладбища был ров.

Мы жили в своем доме. Дом был большой, с двумя входами: один на улицу, другой – во двор. В местечке многие дома были построены именно так. Сада у нас не было. Дома находились очень близко друг к другу. Во дворе стоял сарай. Мы держали корову.

В 1933 году мама и мы, трое детей, переехали в Витебск. Отец, дед и мамина родня остались в Добромыслях. Нам говорили, что мама увезла нас учиться.

Думаю, переезд был по нескольким причинам.

У дяди Лейбы-Юды Азаркевича забрали его промысел – выпечку и торговлю баранками. Детей увезли из местечка, чтобы их дальнейшую жизнь не испортила родственная связь с непролетарским дядей.

Но главной причиной стало голодное время, которое добралось до местечка. А в городе было все же легче прожить.

Евгения Антоновна Конюшенко 1924 года рождения. До войны она жила на хуторе в нескольких километрах от Добромысли. Но в местечке бывала ежедневно, там жили подруги, там она училась. Евгения Антоновна, вспоминая начало 1930-х годов, рассказала:

– Роскоши у нас никогда не было, но мы не голодали. Только в 1933 году стало очень плохо с продуктами. Мы даже собирали клевер и мама добавляла его в пищу. Этот год мне запомнился еще и потому, что по ночам я стояла в очереди за хлебом в магазине. Хотя, думаю, наша семья не была бедной. Хранились у нас какие-то хлебные запасы. Отец много работал и по тем временам неплохо зарабатывал.

В 1930 году в Добромысли был основан колхоз. В него вступили и 12 еврейских семей.

(Энциклопедия Еврейской Жизни. До и во время Холокоста. Под редакцией Шмуэля Спектра, т. 1, Яд-Вашем, Иерусалим, «Нью-Йорк Университи пресс», Вашингтон Сквер Нью-Йорк)

Время было сложное. Каждая семья решала, как ей жить дальше. И когда становилось совсем трудно, на помощь приходили не только смекалка и трудолюбие, которыми не были обделены местечковые люди, но и умение смеяться над самими собой. Так рождались местечковые истории... В них смех и слезы, радости и беды, надежды и разочарования людей, для которых две улицы Добромыслей были лучшими на всем белом свете.

Рема Никитина поведала мне истории, доставшиеся ей по наследству от бабушки с бабушкой, от мамы и других родственников. Конечно, рассказы обросли литературными подробностями, но в них сохранился неповторимый местечковый колорит.

«У Ривы осталась горсточка ржаной муки, из которой она испекла две лепешки. Узнав, что заболела соседка, Рива посылает свою дочку Стерну проведать соседку и отнести той ржаную лепешку. Стерна, стоя у порога соседского дома, выпалила одним духом:

– Гут морген, Бэйле! Вос махст ду, Бэйле? На дир а корэне лепешку, Бэйле. Зай гизунд, Бэйле.

(Доброе утро, Бейле! Что ты делаешь, Бейле? На тебе ржаную лепешку, Бейле. Будь здорова, Бейле! – идиш.)»

«...– Осенька, сходи к реб Пинхусу, попроси у него мазь от нарывов.

– Здравствуйте, реб Пинхус. Мама просила, чтобы вы дали мази от чирей. Она сказала, что, когда у вас будут чири, она отдаст вам мазь».

«...Гирш купил одну облигацию, надеясь выиграть крупную сумму. Но, так как боялся, что у него от радости сердце разорвется, договорился с *балаголой* (извозчик – идиш) Файфом, что тот проверит облигацию и условным знаком сообщит Гирше о сумме выигрыша.

Файф проверил, выигрыша не было, и он поторопился сообщить об этом Гирше, который с нетерпением ожидал, стоя у окна. Файф постучал в окошко.

– Вос? (Что? – идиш).

– Кус ин тохес. (Поцелуй в задницу – идиш).

– Вифл?! (Сколько?! – идиш).

– Сколько хочешь!»

«...Жил в Добромыслях Михл. Он шил кожухи. В местечке снимал для семьи полдома, очень старого, покосившегося. Но там жил мало. Сажал в телегу жену и восемь детей, мал-мала

меньше, и отправлялся в дорогу. Остановливался в какой-либо деревне, договаривался с жильем и шил кожухи. Так он переезжал из деревни в деревню. Его неохотно брали на постой: орава детей никого не радовала.

Однажды Михл поехал один, чтобы договориться.

– Дети есть? – спросили у него.

– Нет, что ты! – заверил Михл.

И вот он приезжает.

Мужик за голову схватился:

– Ты же говорил, что детей у тебя нет!

– Где дети? Это же сволочи голодные».

«...Стера в своей маленькой лавочке торгует керосином. У нее на днях умер муж. Она горько плачет и причитает: «Цорес, майне цорес!» (Несчастье, мое несчастье – идиш). И между причитаниями добавляет:

– Дело до дела не касается! Керосин вам отпускается!»

«Довоенные Добромысли – это две улицы: сегодня они называются Горбовская и Бабиновичская, – рассказала мне Надежда Алексеевна Попелковская. – Старых домов почти не осталось. В годы войны немцы подожгли местечко. Уцелели всего три дома. Да и старожилы добромысленских у нас живет всего несколько человек».

Вера Антоновна Ольшаникова – одна из них, ей девяносто один год.

По главной улице деревни, ныне агрогородка, мы отправились к Вере Антоновне Ольшаниковой.

Рядом с добромысленским сельсоветом находится больница, которой могут позавидовать иные города, а также клуб, вполне современный, не только с клубными комнатами и актовым залом, но даже с тренажерным залом. Школа, в которой с каждым годом учится все меньше ребят, но и внешним видом, и по оснащению она на самом современном уровне.

Вера Антоновна грелась на осеннем солнышке. Сначала отнекивалась от разговора, ссылаясь на плохую память, но потом разговорилась.

– Я родилась в 1921 году в деревне рядом с Добромыслями, но сюда бегала в школу, она была в конце местечка. Четыре года училась здесь, а в пятый класс ходила уже в деревню Перемонт, там двор пана Пиоры отдали под школу. До войны окончила школу и три курса Лужеснянского сельскохозяйственного техникума, по специальности агроном-полевод. Нас отправили на практику после третьего курса, но война началась. Во время войны я жила в Перемонте.

– Какие были Добромысли до войны? – спрашиваю я.

Вера Антоновна на несколько секунд задумалась, а потом сказала:

– До войны здесь жили почти одни евреи. Дома у них были хорошие, деревянные, на высоком фундаменте. Два дома в местечке были со вторым этажом. Там, где они стояли, теперь растут деревья. Зимой хозяева жили только на первом этаже, а летом приезжало много гостей из Москвы, Ленинграда, им сдавали второй этаж. У нас считалось дачное место. Люди ходили в сосновый лес, пили парное молоко, вешали в саду свои гамаки и отдыхали в них.

Хорошо помню портного Хаима – добрый и веселый был человек. В магазине, в лавках евреи работали, в долг товары отпускали. Помню первую конфету в своей жизни. Я около магазина играла, и меня продавец угостил «подушечкой», конфета так называлась. Разными делами евреи занимались, но бездельников среди них не помню.

В конце двадцатых – начале тридцатых годов была еврейская школа, стояла на горе. Там учились четыре года. С пятого класса все ходили в одну школу. Жили мы дружно.

– Была синагога, еврейское кладбище? – вопросов у меня много.

– Церковь помню, а синагоги не помню. Может, и была, молились где-то евреи, но я тогда не интересовалась этим. Было еврейское кладбище, до войны на этом кладбище хоронили, а сейчас от него ничего не осталось. Все памятники куда-то растащили. Наверное, для строительства. Те, кто родился после войны, уже и не знают, что такое кладбище было.

Вера Антоновна – старшая сестра Евгении Антоновны Коношенко. С младшей сестрой я встретился в Витебске, где она сейчас живет. Евгения Антоновна с интересом, я бы даже сказал с удовольствием, вспомнила о своем детстве, о родителях.

– Наша бабушка была еврейка Цыля Тумаринсон, – сказала она и с улыбкой посмотрела на меня: – Была крещеная.

Как это произошло? Кирилл Пациенко возил на своей лошади товары из Витебска в Добромысль. В местечке были лавки, магазины, которые принадлежали евреям, и Кирилл привозил им товары из города. Он познакомился с молодой девушкой Цылей. Они полюбили друга друга и решили пожениться. Цылины родители были против, чтобы их дочь вышла замуж за иноверца. И Кирилла никто бы не обвенчал с еврейкой. Молодость и любовь толкнули влюбленных, говоря сегодняшним языком, на романтический поступок. Кирилл выкрал Цылю. Говорят, что, когда это произошло в первый раз, девушку все же удалось вернуть домой. Но как ни прятали ее от возлюбленного, Кирилл выкрал ее вторично, отвез в Смоленск, где она крестилась и обвенчалась с любимым человеком. Теперь ее имя стало Екатерина. Произошло это или в конце XIX, или в самом начале XX века. Все местечко было взбудоражено. Разные слухи ходили по Добромысли и окрестным деревням. Говорили, что ее отец Борух-Мордехай отрекся от дочери, что ее два брата хотели даже убить влюбленных. Цыля-Екатерина жила на хуторе у мужа и по вечерам не выходила из дому. Фантазии никогда не знают границ, и сегодня уже никто не ответит, где вымысел, а где реальность.

Но жили Кирилл и Цыля-Екатерина в мире и согласии и назвали семеро детей.

– И у родителей было много детей, – продолжает свой рассказ Евгения Антоновна. – Мама была беременной десятим, когда с отцом случилось несчастье. Он попал в молотилку, и его убило. Отцу было всего 48 лет. Бабушка тогда пришла к нам домой и жила у нас две недели. А вообще она жила с младшим сыном. Когда в его доме случился пожар и погибло двое детей, она не пережила это горе.

О Добромыслях я читал в письмах Джорджа Фомина. Он живет в Соединенных Штатах и занимается исследованием родословной своей семьи. Его добромысленского прадеда звали Мойше-Смул Альтман, а прабабушку – Рива (Ребекка). Они жили в местечке с середины XIX века. Мойше-Смул был кузнецом. У него было пять сыновей и одна дочь – по крайней мере, столько дожили до взрослого возраста.

Дед Джорджа – Гдаля Шмуїлович Альтман и бабушка Хава Ароновна Альтман-Скобло прожили всю совместную жизнь в местечке Добромысль. Оба были очень трудолюбивыми людьми и такими остались в памяти потомков.

Джордж, опросивший многочисленную родню, написал: «Незадолго до войны Добромысли были небольшим местечком, с двумя основными улицами, без электрического освещения. Население, в большинстве своем, было еврейским. Вокруг стоял хороший густой лес. Водохранилище, которое существует в Добромыслях сейчас, возникло после войны. Тогда протекала небольшая речка Черница. В ней в изобилии водились раки – вспоминают полные ведра такой добычи. В речке купались, судя по сохранившимся фотографиям.

Связи с Витебском были довольно прочными: добромысляне уезжали в город на учебу, работать, создавали семьи, но при этом не забывали о родных местах, часто навещали родственников в Добромыслях».

Электрон Добрускин в детстве тоже не раз бывал в Добромыслях, где жила его многочисленная родня. И посещения местечка остались в его воспоминаниях.

«На лето после моего четвертого класса мы не поехали на юг, и меня отправили в Добромысли – небольшое местечко в глухих белорусских лесах. Туда надо было ехать поездом и сойти на станции Лиозно, не доезжая немного до Витебска. Там уже ждал возчик с телегой. Через несколько часов (а на телеге без рессор это долго) по проселочной дороге – сплошным сосновым лесом – добрались до местечка. Сосновый бор с толстым мягким ковром из иголок, веселая речушка под песчаным обрывом – так я это запомнил. Все ме-

стечко – две пересекающиеся улицы. На пересечении стояла пожарная каланча, магазинчик и какое-то административное здание. Недалеко от нашего дома на улице был колодец, за домами шли огороды с картошкой и, наверно, еще с чем-то. Корова была не у нас, а у соседей, но слово «сепаратор» узнал тогда – на нем сливки делали. По двору бегали куры, и их громко звали, когда начинали кормить. А в печи делалось топленое молоко с удивительно вкусной толстой пенкой. Удивительной, потому что обычная молочная пенка была моим детским кошмаром. И сейчас, в начале уже девятого десятка, с трудом переносу один только ее вид. Кроме обычной пищи, в этой печи пекли невероятно вкусный бисквит. Какой был дом, сколько комнат – не помню. Но была там (запомнил!) небольшая комната, вроде чулана с дощатыми стенами и зачем-то поднимающейся крышей. Комната имела странное название – «сука». Тогда же я узнал, что построена она специально, чтобы в ней праздновать Суккот. Дом, насколько сейчас понимаю, вела хозяйка – Эстер. Что делал по дому ее муж Шмул (Самуил), не запомнил. Зато запомнил, что по утрам он долго молился, раскачиваясь. С тех времен помню: «Барух ата Адонай...» (Благословен ты, Господи...). Но, вероятно, он вполне участвовал в домашнем хозяйстве – к нему обращались с неотложными хозяйственными вопросами даже во время молитвы. И неверующие дачники, жившие летом в доме, посмеивались, как ловко он отвечал жестами, не прерывая молитвы и раскачивания. Шмул, должно быть, был мамин троюродный брат с материнской стороны.

У них было семеро детей. Фамилия Итигины. Старшие получили высшее образование, жили в Ленинграде и других больших городах. Младшие – Рохеле, тогда старшая школьница, и Мейшке, примерно мой ровесник, – жили с родителями. На речку детей водили редко, «пасли» в лесу – там утонуть было негде. Туда и шли, обычно с утра, все приезжие со своими и местными родственными детьми, с подстилками и гамаками...»

Электрон Добрускин – инженер-строитель, доктор экономических наук. В Москве руководил отделом Научно-исследова-

тельского института, преподавал в высших учебных заведениях. С 1991 года живет в Израиле, занимался научной и преподавательской работой.

Управляющая делами Добромысленского сельского совета Галина Николаевна Берестовская – местный человек. В Добромыслях родилась, училась в школе.

– У нас жил и работал замечательный педагог Михаил Моисеевич Богомоллов, – рассказала она. – Участник Великой Отечественной войны, историк, краевед. Я училась у него. С третьего класса мы занимались под его руководством краеведением. Помню классную комнату, заставленную серыми папками. В них хранилась переписка с нашими земляками. К сожалению, Михаила Моисеевича уже нет с нами. И никто не продолжил его дело.

Я пытался выяснить, где находится архив Михаила Моисеевича, бесценный для краеведения, но никто так и не смог ответить на этот вопрос. Когда продавали дом Богомоллова, архив, скорее всего, выбросили за ненадобностью. Только часть своих исследований Михаил Моисеевич успел опубликовать в лиозненской районной газете «Сцяг перамогі» в августе 1989 года. В семи номерах газеты печатался «Летапіс Дабрамыслянскага краю». В то время по идеологическим соображениям опубликовать можно было далеко не все, собранное Богомолловым.

Добромысли были в стороне от крупных центров, здесь не дислоцировались воинские части, дачный сезон еще не начался, и тревожные слухи о надвигающейся войне сюда почти не доходили. Сообщение, переданное по радио 22 июня 1941 года о вероломном нападении гитлеровской Германии, прозвучало, как гром среди ясного неба. Но уже к середине дня добромысленские старики пришли к убеждению, что немцев скоро разобьют, война будет вестись на чужой территории и бояться нечего. Впрочем, что говорить о местечковых жителях, если так же рассуждали в первые дни войны и в крупных городах.

Фронт приближался к Добромыслям. И хотя официальные советские сводки, замалчивавшие реальное положение дел на фронтах, вводили население в заблуждение, по хаотично отступающим частям Красной Армии, по настроению солдат было понятно, что ситуация на фронте плохая. И тогда добромысленские старики, а их мнение было авторитетным, стали говорить: «В нашей глуши нечего бояться. Бомбить будут большие города, а нас в местечке не тронут».

– Я уже восьмой класс к этому времени окончила, – вспоминает Евгения Антоновна Конюшенко. – Через Добромысли шла старая дорога на Любавичи и оттуда на Смоленск. В первые дни войны по ней шли и ехали красноармейцы. Много, очень много их было. Двигались и на запад, и на восток. От них мы все время слышали: «Война, война». Но толком никто и ничего не рассказывал. Я дружила со своим одноклассником Аркадием Лятохо. Он просил красноармейцев: «Возьмите меня с собой». И его взяли. Он вначале был помощником машиниста на железной дороге, а когда наступил призывной возраст, ушел в действующую армию и погиб под Сталинградом.

В Добромысли стали приходиться беженцы из Витебска, Орши, других городов и местечек, находившихся западнее. Так в Добромыслях оказалась Рахиль Бескина с двумя маленькими детьми. Она и ее муж родились и выросли здесь. В тридцатые годы Бескина отправили на партийную работу в Бешенковичи. В первые же дни войны он ушел на фронт, а жену Рахиль и дочерей Лену, которой только исполнилось десять лет, и восьмилетнюю Киру, отправил к бабушке, уверенный, что война продлится недолго и вскоре он их заберет.

В Добромысли пришла из Витебска Рива Левина (Клебанова) с шестилетним сыном Абрамом и двумя совсем маленькими детьми Леной и Ильей.

Немцы появились в Добромыслях 16 – 18 июля 1941 года. В этих местах Красная Армия оказывала отчаянное сопротивление, наносила контрудары, но вынуждена была отступить перед превосходящими силами противника.

«К утру 17 июля 1941 г. дивизия своими основными силами вышла на западный берег р. Черница в район деревень Слепцы, Логуны, Кароли.

Противник, не добившись успеха в предшествующих боях, решил расчленив и уничтожить части дивизии на р. Черница, для чего в районе Добромислей сосредоточил значительное количество мотомеханизированных частей, артиллерии и танков, одновременно крупными силами пехоты и танков пытался расчленив части на западном берегу р. Черница и, окружив отдельные подразделения, уничтожить их.

Здесь командиром дивизии было принято решение прорвать кольцо окружения противника на узком фронте Винокорно 1-е, Рублево Ковенское, форсировать р. Черница и выходить далее в район Смоленска на соединение с частями Красной Армии.

17.7.41 г. разведывательным батальоном дивизии в районе Жары южнее ст. Лиозно и двумя ротами 505-го стрелкового полка в районе Перемонт северо-восточнее Добромислей была проведена разведка боем и ложная демонстрация переправы частей. Эта разведка отвлекла значительные силы противника от действительного места переправы основных сил дивизии».

(«Из боевого пути 3-й гвардейской стрелковой Волновихской Краснознаменной ордена Суворова дивизии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» http://tashv.nm.ru/SbornikBoevyhDokumentov/Issue32/Issue32_015.html)

– Был большой бой за Добромисли, – вспоминает Евгения Антоновна Конюшенко. – Много наших полегло. Немцы, когда заняли местечко, расположились на берегу реки Черницы. Купались, кушали, играли на губных гармошках. Как будто на отдых пришли. У нас дома соли не было, и магазин в Добромислях сгорел. Меня мама отправила в местечко достать соли. Немцы меня задержали, и, если бы сестра и невестка не выпросили у них, что бы меня отпустили, не знаю, чтобы со мной было.

В первые же дни немцы убили моего дядю. Он был красноармейцем, попал в окружение, вышел из него и подался к семье в Добромисли. Они сидели в окопе. Дядя держал на руках

ребенка. Немцы подошли, сказали, чтобы дядя отдал ребенка жене, и застрелили его. На фронт ушли четыре моих брата Дмитрий, Яков, Карп и Василий. Никто домой не вернулся.

На восток успело уйти совсем мало местных жителей. В основном, те, кто предпринимал подобные попытки, были вынуждены вернуться обратно, как это произошло с семьей Альтманов. О ней написал Джордж Фомин: «Дед и бабушка Альтманы вместе с несколькими односельчанами решили уйти от опасности. Делалось это, по давней крестьянской привычке, солидно: уложили узлы и сундуки на телегу, привязали сзади корову и покатали, не торопясь, на восток по малоезженным лесным дорогам. Трехлетнюю внучку Людочку несли на руках, что для пожилых людей занятие тяжелое. (Из Москвы к бабушке с бабушкой привезли на лето трехлетнюю Лягу Альтман. Отправить ее обратно возможностей уже не было. – А.Ш.)

Результаты такого передвижения сказались уже через 2–3 дня, когда обнаружилось, что германская армия на танках по магистральным путям прошла далеко вперед. Поразмыслив, беженцы решили вернуться к своим домам, что им удалось».

– Что вспоминается из того времени? – спрашиваю я у Веры Антоновны Ольшаниковой.

– Когда шли бои за Добромисли, с самолетов нам листовки бросали: «Уходите в лес». Целыми семьями люди подались в лес.

Полици появились в Добромислях как-то сразу после того, как немцы захватили местечко. Они ходили в лес и выгоняли нас оттуда. Я с братом спряталась в болоте, а маму с сестрой они схватили. Полици хозяйничали, грабили людей, забирали то, что им понравится, сводили счеты с неугодными соседями. А потом, к концу лета, стали изведаться над евреями и расстреливать их.

Жительница Добромислей Вера Трофимовна Шолохова на одиннадцать лет моложе Веры Ольшаниковой. И естественно, ее воспоминания скромнее. Но важны любые, казалось бы, незначительные детали. Из них складывается образ времени.

– Я жила рядом с Добромислями в деревне. Помню, как с

бабушкой носили в местечко продавать яблоки. Денег у нас не было. Рады были любой копейке.

Первый класс я окончила до войны здесь, в Добромыслях. Школа, одноэтажная деревянная, стояла по левой стороне, как ехать на Бабиновичи. Учительницей у нас была Рита Яковлевна Смирнова.

– Что вы слышали о расстреле еврейского населения?

– По рассказам, немцы расстреляли евреев за кладбищем.

По всей видимости, Вера Трофимовна вспомнила о первых расстрелах евреев. Расстрелами занимались эсэсовцы и местные полицаи. Причем, в жестокости одни не уступали другим. Перед расстрелами и после них устраивали пьянки, заливали свои черные дела шнапсом и самогоном.

Вот что пишет об этом Джордж Фомин.

«Довольно быстро появились формирования полицаев. Сначала это были не местные, а привезенные из деревни Вишняки, но вскоре к ним добавились жители соседних деревень и добромысленские.

Почти сразу же начались акции по уничтожению евреев. В первые облавы попадали те, кто не успевал спрятаться. Забирали только мужчин.

Из семьи Янкеля Лейбовича Фомина увели сына Моисея, а его младший сын Солик укрылся в ботве на картофельных грядках. Схваченных еврейских мужчин отвели за окраину Добромыслей (упоминается мост через реку Черницу) и там расстреляли на открытом месте. Полицаи были пьяные и поленились удостовериться, все ли мертвы... Когда они ушли, Моисей, который оказался только ранен, выбрался из-под тел и приполз домой. Его сестра Нехамма, студентка Минского мединститута, приехавшая домой на летние каникулы, стала его лечить, пряча от облав в погребке. Через какое-то время соседи заметили Моисея и донесли в полицию. За ним пришли и увели – на этот раз навсегда.

...Облавы на евреев проводились в местечке регулярно, преимущественно по ночам, чтобы застать жителей врасплох.

Через некоторое время поблизости от Добромыслей были найдены трупы двух немецких солдат. Немецкие власти решили

отыграться на евреях и организовали массовую казнь невинных людей. Не считались ни с чем: были схвачены и согнаны в один из домов старики, женщины, малые дети. Их продержали без еды и питья взаперти несколько дней, в течение которых к ним еще и еще добавляли евреев, выловленных в лесу, отысканных в погребках и других укрытиях.

Ежедневно заложников уводили из дома на расстрел».

22 октября 1941 года кто-то из полицаев донес немцам, что в окрестностях Добромыслей видели партизан. Так это было на самом деле или предатели от страха выдали за партизан группу беженцев, которых немало скиталось в окрестных лесах, но на-завтра гитлеровцы решили устроить показательную акцию. Расстреляли в центре местечка пятерых еврейских мужчин, среди них был и Хаим Альтман.

Электрон Добрускин в своих воспоминаниях описывает, как погиб его друг: «Мейшке Итигин до войны окончил девятый класс, был секретарем школьного комитета комсомола. Так обычно делали – школьного лидера, отличника, в девятом классе делали секретарем. В восьмом, мол, еще мал, в десятом – надо в институт готовиться, а из девятого – в самый раз. Рохеле к тому времени вышла замуж за Хонона Свайнштейна, и они с годовалым сыном жили в Минске. Хонон ушел сразу на фронт рядовым, вернулся капитаном. После войны приехал в Минск, узнал, что Рохеле с их сыном погибли вместе со всеми евреями города, и поехал в Добромысли узнать, что случилось с родными. Убили всех. Спаслась чудом одна женщина. От нее Хонон и узнал правду. Мейшке, то ли как комсомольскому секретарю, то ли как отличнику, то ли просто так, отрезали все и закопали по шею в землю. Так и умер».

В Добромыслях погиб отец Мейшке – Шмуила, мама – Эстер, старший брат – Михаил.

25 марта 1945 года вернувшаяся в Добромысли из эвакуации ученица Добромысленской школы Смирнова Елизавета Яковлевна написала заявление в «Сельскую чрезвычайную комиссию по злодеяниям».

«Я, Смирнова Елизавета Яковлевна, хочу описать следующее: при возвращении моем из советского тыла я узнала о

хозяйничании немецких извергов в моем родном селе Добромысль и об их гнусных делах над моими родственниками.

Немецкие разбойники зверски замучили моего отца Левинтана Янкеля Файбишевича – старика 63 лет. 7 сентября 1941 года немецкие палачи вскочили в дом и стали бить моего отца прикладом, выбили ему зубы, пытая и допрашивая, где зять, коммунист Смирнов Степан Ефимович. После чего Левинтану Янкелю Файбишевичу связали руки и бросили в сарай бывшей столовой, откуда доносились стоны и крики.

Вечером, избитого до полусмерти, его вынесли и, раскачивая, бросили в автомашину и отвезли на участок «Лысая гора», где вырезали мускулы, отрезали пальцы, и последние муки – это загоняли колья в глаза. Так зверски был замучен мой отец.

Немецкие бандиты уничтожили моего дядю Кравцова Довида – 59 лет, его дочь – Гиту, 29 лет, и ее троих детей, племянника Левинтана Феликса – 15 лет.

Немцы убили Рубина Самуила, 72 года, его жену – Соню, 70 лет, и их дочь Бэлу – 24 лет с двумя маленькими детьми.

В Добромыслях жило около 200 евреев, которые во время немецкой оккупации подверглись всяким нечеловеческим издевательствам и непосильным работам и, наконец, в январе месяце 1942 года закончились их мучения: все евреи согнаны были в овраг «Каменка» в 0,5 км от Добромыслей и расстреляны.

Моей тете Кравцовой Добрусе – 59 лет, удалось уйти, но, поскитавшись три дня, голодная, холодная, как затравленный зверь, пришла в управу и сама попросила, чтобы ее расстреляли там же, где расстрелян ее муж, дочь и дети.

Прошу сельскую комиссию содействия в работе Чрезвычайной комиссии Добромысленского сельского совета разыскать преступников и привлечь к ответственности».

Издевательства и расправы над евреями продолжались до начала марта 1942 года.

В январе 1942 года немцы и полицаи провели повальную облаву и всех задержанных евреев собрали в колхозный сарай на окраине Добромыслей. И уже из колхозного сарая их под охраной тех же полицаев и немцев повели на казнь.

Из письма Джорджа Фомина: «Пока толпу перегоняли к месту казни, маленькую Людочку Альтман дед с бабушкой сумели выбросить из колонны на обочину, в сторону наблюдавших односельчан, и кто-то подобрал ее, быстро унес и спрятал. Однако нашелся доносчик, указавший, что укрывают еврейского ребенка. Девочка погибла.

...Среди расстрелянных оказались многие мои родственники Альтманы: бабушка и дедушка Хава Ароновна и Гдаля Шмуйлович, братья Гдали – Лейба и Юда с женами, сыновья Лейбы – приехавший на выручку Хаим и его брат Соломон Лейбович с женой Дыней, дети Юды – дочь Соня и сын Симон, жена Льва Даниловича с четырьмя детьми, и еще люди, упоминания о ком не сохранились».

Вспоминает Вера Антоновна Ольшаникова:

– Всех евреев в местечке расстреляли. Сначала убивали по несколько человек. А после Нового года (1942-го – А.Ш.) устроили массовое убийство. Гнали евреев с того края Добромыслей, где еврейское кладбище было, и шли они по дороге на Лиозно. Больных, лежачих, их родственники тянули к месту расстрела по снегу на ватных одеялах.

– Кто-то из евреев спасся, убежал?

– Роза такая была. Она убежала из Добромыслей и пошла на Горбово, на Любавичи, там старик одинокий жил. Он ее принял. А когда наши освободили, Роза уехала в Ленинград. Она после войны много раз приезжала сюда.

В актах Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков записано: «На территории Добромысленского сельского совета, что подтверждается фактами показаний Сапего П.В., в январе месяце было расстреляно более 200 человек еврейского населения».

*(Национальный архив Республики Беларусь,
ф. 845, о. 1, д. 5, стр. 4)*

После окончательного уничтожения Витебского гетто, осенью 1941 года, осенних расстрелов в гетто других городов и местечек, в Добромыслях оказались евреи, чудом из-

бежавшие смерти там и искавшие спасения в других местах. Зима 1941–1942 года была на редкость суровой, морозы достигали до 35 градусов. Перезимовать в лесу, в землянке, было невозможно, особенно, если бежал не только мужчина, но и женщины, дети. Кто-то сумел найти партизан, немногочисленных в то время, кого-то спрятали русские, белорусы, которых позднее назовут Праведниками. Но в основном прибывали к таким же гетто, только еще не расстрелянным, в надежде дождаться весны, теплых дней и пойти дальше на восток. Немало таких беженцев к началу зимы оказалось в Добромыслях.

Важна жизнь каждого человека. И все же, работая над этим очерком, я пытался понять, сколько евреев погибло только в одном небольшом местечке Добромысли.

Расстрелы продолжались с августа 1941 года по март 1942 года. Думаю, что за время оккупации в Добромыслях было расстреляно около 200 евреев из местечка, а также прибывших в Добромысли из Витебска, других населенных пунктов. А разные цифры, которые фигурируют в свидетельских показаниях, появились из-за того, что массовые расстрелы, а их было как минимум два – в январе и марте 1942 года, – в глазах очевидцев, соседей, знакомых становились трагедиями огромного масштаба. В человеческом мозгу не укладывалось, как ни в чем не повинных людей, детей, женщин, стариков, можно просто так вывести за околицу и расстрелять. Никто не подсчитывал число убитых, а говорили: «Ой, много-много их было, несчастных».

О мартовском расстреле сообщает акт, составленный спустя два года – 25 марта 1945 года.

«Мы, нижеподписавшиеся, в лице председателя Добромысленского сельского совета Пименова Михаила, секретаря сельсовета Левенкова Ильи, гражданина местечка Добромысль Шаганова Сергея Васильевича, составили настоящий акт о зверствах, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами за период с июля месяца 1941 года по день освобождения – 14 октября 1943 года.

Расстреляно мирных жителей – евреев местечка Добромысль в марте месяце 1942 года до 40 человек. До расстрела последних согнали в одно помещение и не допускали никого к ним.

После некоторого времени из местечка Бабиновичи прибыл немецкий карательный отряд. Вывели всех людей из помещения, в том числе и детей, и под своей охраной повели в лес по направлению к местечку Лиозно.

Отведя от местечка приблизительно на полкилометра, подвели к одной яме, где производился сток воды с дороги. Убили (расстреляли), трупы грудой сбрасывали в яму.

Кроме того, до этого времени, население местечка Добромысль подтверждает, что убито еврейского населения до 80 человек, которые прибывали из гор. Витебска, но фамилий их никто не знает».

Расстреливали добромысленских евреев и в Лиозно в Адаменском рву, ставшем братской могилой для жителей Лиозно, Колышек, Добромыслей, Бабиновичей.

Эти данные из протокола допроса свидетеля Воронцова Герасима Кирилловича. Документ составлен 12 октября 1943 года помощником прокурора воинской части №16651 капитаном юстиции Алексеевым.

«Во время оккупации немцами местечка Лиозно я жил здесь, в местечке. Работал в кузнице...

24–25 (февраля 1942 года – А.Ш.) и до конца месяца немцы во рву, против моего дома, расстреляли все еврейское население местечка Лиозно. Привозили также из мест. Колышки, Добромысли и Бабиновичи».

Немногим добромысленским евреям удалось спастись. Среди выживших – и родственники Джорджа Фомина.

«Блюма и Нехам Альтман смогли выбраться незамеченными из Добромыслей и уйти на восток, – написал Джордж Фомин. – Они оказались в г. Вышний Волочок Калининской области, где и остались жить. Нехам завершила медицинское образование и проработала врачом в Вышнем Волочке всю жизнь. Здесь она вышла замуж и родила двух дочерей.

За добросовестный труд Нехаме – Нине Яковлевне Альтман (1920–2001) – было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР».

Солик Фомин скрывался от облав в лесу, где ему через какое-то время повезло встретить партизанский отряд, к которому он примкнул. Солик активно участвовал в диверсионных акциях против оккупантов, подрывал железнодорожные пути и своей отвагой обратил на себя внимание.

Он пробыл в партизанах до прихода наступавших советских войск, когда партизанские отряды стали вливаться в ряды регулярных воинских частей...

Солик после службы в армии поселился в Вышнем Волочке. Там он и жил вместе с двумя сыновьями и их семьями».

Немецкие захватчики и их местные пособники зверствовали все годы оккупации, до самого освобождения. Жестоко пострадали не только евреи, но и другие жители Добромыслей и окрестных деревень.

Строки из акта, составленного 25 марта 1945 года:

«13 августа 1942 года расстреляно русского населения 52 человека, из которых 12 человек обвинялись как партизаны, например, Курначенко Николай Емельянович, Титов Сергей Захарович, Забаровцев Николай Петрович из колхоза «Шлях большевика», Соловьев Иван Демидович колхоза «Новый ...» и др., а остальная часть убита за связь с партизанами»

В «Докладной записке об итогах следствия по группе немецких военных преступников в г. Витебске, 1947 г.» сообщается о карательной экспедиции, предпринятой немецким командованием.

«В сентябре 1943 года Адам (ефрейтор Адам Филипп Антон – А.Ш.) принимал участие в карательной экспедиции на территории Лиозненского района. Окружив деревню Добромысль, полностью сожгли все дома и расстреляли 12 мирных советских граждан, из коих лично Адам расстрелял четыре человека: Дребетова Михаила, Котикова Петра и братьев Куртяновых, а также поджег 12 домов.

Об этих злодеяниях свидетель Забаровцев Моисей пока-

зал: «...Возвратившись в деревню Добромысль, которая была дотла сожжена, я видел четыре трупа расстрелянных немцами мирных жителей Дребетова М., Котикова П. и двух братьев Куртяновых...»

Совершив зверскую расправу с мирными гражданами в деревне Добромысль, этой же карательной экспедицией в лесу в двух километрах от деревни Добромысль было задержано 230 человек мирных советских граждан. Все задержанные были выстроены в лесу на поляне, и восемь человек были повешены на дереве. Лично обвиняемый повесил двух человек.

На той же поляне ефрейтором Адамом из станкового пулемета было расстреляно свыше 150 человек.

Обвиняемый Адам признал себя виновным в чинимых им злодеяниях и показал:

«...Оставив горящую деревню, оба взвода в боевом порядке начали прочесывать лес. В лесу было задержано 200–300 человек мирных граждан. Задержанные были выстроены по пять человек в колонну на поляне. По приказу старшего лейтенанта Крана я повесил двух человек мужчин.

После этого на одну из повозок был установлен станковый пулемет, из которого я открыл огонь по этим людям. Они плакали, кричали в ужасе, но были оцеплены, и по ним стреляли из автоматов, а я из пулемета... Я лично убил 120-150 человек. Оставшиеся в живых 78 человек были под контролем отправлены в г.п. Лиозно...»

(«Выстояли и победили: свидетельствуют архивы», Витебск, 2005)

О последних днях фашистской оккупации вспоминает Евгения Антоновна Конюшенко:

– В 1943 году осенью наши солдаты подошли к Добромыслям. Начались бои. Многие ушли прятаться в лес. Там была моя мама, старшая сестра с детьми и младший брат. Немцы окружили их и взяли в заложники. Когда немцы отступали, они впереди себя гнали мирных жителей, чтобы на них не напали партизаны или чтобы их не обстреливали. Мама вернулась домой только к

началу осени 1944 года. Их освободили наши войска где-то на самом западе Белоруссии.

Меня и еще двоих моих ровесниц из Добромыслей сразу после освобождения отправили на курсы противохимической обороны в Велиж. Мы там учились, потом прибыли в Лиозно, и уже оттуда я попала в Витебск.

– Когда наши освободили Добромысли и люди стали возвращаться к родным очагам, только печные трубы стояли на месте домов. Жили в землянках, строились, – вспоминает Вера Ольшаникова.

Вера Антоновна в первые послевоенные годы работала старшим агрономом в МТС, воспитывала детей, потом снова работала по специальности. Вся ее жизнь связана с Добромыслями.

Надежда Алексеевна Попелковская заступила на должность председателя Добромысленского сельсовета в 2002 году. Буквально за несколько дней до этого недалеко от дороги Лиозно – Добромысли был поставлен памятник погибшим евреям.

Еще был жив свидетель чудовищного преступления Иван Ильич Баранов. Попелковская пригласила его в сельсовет, они сели в машину и поехали к памятнику.

– Памятник поставили немного ближе к Лиозно и на другой стороне дороги, – сказал тогда Иван Ильич. И показал место, где был расстрел. Там и сегодня еще видны следы ямы, ставшей братской могилой.

Надежда Попелковская подробно расспросила Ивана Ильича Баранова о событиях того страшного дня. Вот что он рассказал: «Мы с отцом грузили дрова на телегу. День был холодный. Вдруг слышим: голоса, шум, плач. Видим, идут люди. Многие были связаны друг с другом веревкой. Я был на той стороне дороги, где водоем, а они – на противоположной. Пригнанные мужчины докапывали ямы. Евреев охраняли немцы и полицаи. А потом стали стрелять. Я был еще пацаненок. Мне стало страшно, я кинул отца, коня, телегу и с криком побежал в деревню. Потом мне рассказывал отец, что не все сразу были убиты, в

яму падали раненые, и слышались оттуда стоны, и земля, даже скованная морозом, несколько дней шевелилась.

Евгения Антоновна Конюшенко рассказала, что на месте расстрела потом валялись детские варежки.

В отчете Лиозненского райисполкома от 5 марта 1944 года написано: «Гитлеровцы уничтожили всех мирных советских граждан еврейской национальности в городском поселке Лиозно, местечках Колышки и Добромысли».

14 октября 1943 года советские войска освободили Добромысли. В боях с немецко-фашистскими захватчиками принимали участие люди разных национальностей. Их сила была в единстве и ненависти к фашизму.

Путешествуя по Лиозненскому району, в деревне Старь недалеко от Добромыслей, я увидел скромный памятник, установленный на месте захоронения молодой московской девушки, ставшей снайпером в годы войны, – Маши Шварц. На памятнике ее фотография и даты жизни. В таком возрасте, а Маше было всего двадцать лет, надо мечтать о любви, о прекрасном будущем.

С помощью Михаила Моисеевича Богомолова я узнал биографию этой девушки. Родилась Маша в 1924 году в Москве. Отец – Абрам Зельмович Шварц, старый большевик, подпольщик. В 1904 году вел революционную деятельность в Белоруссии. Получил двадцать лет каторжных работ за организацию побега политзаключенных. После 1917 года жил в Москве. Маша окончила 9 классов и устроилась на работу на комбинат «Трехгорная мануфактура». В декабре 1942 года она стала курсантом Центральной женской школы снайперов, а после ее окончания ушла на фронт.

Весной 1944 года в воинскую часть, которая размещалась на территории Добромысленского сельского совета, прибыли 19 девчат-снайперов, и среди них Маша Шварц.

Она писала домой: «Теперь я стала совсем взрослой, мне 20 лет. Что принесет мне этот год моей жизни? Дня через два выходим на охоту...»

18 апреля 1944 года Маша приняла свой последний бой. Посмертно она награждена орденом Отечественной войны 2-й степени.

У Маши не было ни родных, ни даже знакомых в местечке Добромысли. Вряд ли до войны она даже слышала о нем. Маша Шварц погибла, освобождая землю от фашистов, которые принесли столько горя всей стране и жителям этого маленького местечка.

Шестьдесят лет на месте, где были зверски расстреляны ни в чем не повинные люди, не было ни памятного знака, ни даже таблички с надписью. Попытки поставить памятник погибшим евреям Добромыслей, как это ни кощунственно звучит, наталкивались на стену непонимания.

Вот как рассказывает об этом доктор медицинских наук, профессор Аркадий Либерман, который в конце 1980-х годов приезжал в Добромысли: «Я пошел к председателю поселкового совета. Меня приветливо встретил молодой человек лет тридцати пяти. Да, он знал, что во время войны были расстреляны все евреи – жители местечка. Он дал мне адреса двух пожилых женщин белорусок, которые жили в Добромыслях во время войны. Я разыскал их и попросил рассказать о расстреле. Одна из этих женщин, домик которой находился на краю местечка, видела, как всех евреев – женщин, стариков, детей – под конвоем полицаев вели за околицу. Одна из этих женщин крикнула ей: „Прощай, соседка! Больше не увидимся“. (Они, конечно, знали, что их ведут на расстрел.)

Женщины показали мне холмик на опушке леса, где были расстреляны и похоронены в братской могиле несчастные люди. Среди них были сестра моей бабушки и ее дочь.

Я вернулся к председателю поселкового совета.

– Не кажется ли вам, уважаемый товарищ председатель, что на месте гибели сотен ваших односельчан надо было бы поставить хоть какой-то обелиск или хотя бы камень с фамилиями погибших? Я, со своей стороны, готов внести свой вклад на сооружение этого памятника.

– Да, вы абсолютно правы. Памятник надо установить. Но на это нужно разрешение райкома партии.

Я поехал в районный центр Лиозно. Там, в райкоме, „в принципе соглашались“, но посоветовали памятник поставить... на кладбище.

– Ведь люди расстреляны и захоронены не на кладбище, а в лесу, – возразил я.

Однако так ничего я и не добился, кроме рекомендации получить разрешение на памятник в Витебском обкоме партии.

По моей просьбе, витебские знакомые (родители моего диссертанта) ходили с этим делом в обком. И там заявили, что „всем, кому надо, памятники уже давно поставлены, и поэтому никаких новых памятников ставить не следует“.

(Либерман А.Н., Помню. Страницы жизни, С-Пб., Изд. 2-е, исправленное и дополненное, 2006)

Пришли другие времена. В самом начале XXI века было принято решения об установке памятника на месте расстрела добромысленских евреев. Одним из инициаторов выступил старый учитель из Добромыслей Михаил Моисеевич Богомолов. Власти Лиозненского района поддержали начинание и словом, и делом. Подключилась еврейская община Витебска.

Я принимал участие в установке памятника. Когда с председателем Лиозненского райсовета Тамарой Дрилёнок и художником, автором проекта, Борисом Хесиним выбирали место для памятника, решили поставить его на видном месте. И для большей сохранности, и чтобы был виден с дороги Лиозно – Добромысли.

Сбором денег на памятник занималась еврейская община Витебска. Собирали всем миром. Кто-то вносил сэкономленные от пенсии рубли. Туристическая группа из Германии, узнав о сборе средств, собрала более значительную сумму. В благоустройстве территории вокруг памятника посодействовали власти района, различные организации Лиозно. На открытие памятника приехали родственники погибших, живущие в Витебске, Минске. Пришли жители Добромыслей. Присутствовали местные власти. Все говорили прочувственные и искренние слова. А через полгода памятник кто-то свернул с места. Правда, местные власти все восстановили, нашли виновных и наказали их. Вандализмом занимались подростки. На вопрос: «Почему вы это сделали?» ответили: «Так просто, делать было нечего».

...Мы подъехали к памятнику в будний день. У камня, на котором выбит магиндовид, менора и написано «Осенью 1942 года здесь расстреляно 112 евреев – жителей местечка Добромысли»⁸, лежал букет цветов.

Добромысленские евреи ушли в вечность, но память о них должна оставаться, чтобы такое никогда не повторилось.

В Добромысли в восьмидесятые–девяностые годы XX века, особенно после аварии на Чернобыльской атомной электростанции, приехали жить люди из всего теперь уже бывшего Советского Союза. В начале третьего тысячелетия в Добромыслях проживало 1,5 тысячи человек, люди семнадцати национальностей. Вот только евреев среди них уже не было.

Закончить рассказ я хотел бы стихотворением лиозненской поэтессы Ольги Печёновой.

ДОБРА МЫСЛЬ

Древний тракт через сосонники.

«Где тут отдохнуть кому?», –
Добру мысль наш предок высказал
И поставил здесь корчму.

Много лет Черница плещется,
С лесом тихо говорит.
Тракта нет, корчмы не сыщете.
«Добра мысль», как встарь стоит.

1. Цадик – (евр., букв. — праведник) — духовный лидер хасидской общины, посредник между хасидами и Всевышним. Хасиды верили в чудотворные способности своих цадиков, считали их способными исцелять, предсказывать. Многие цадики, были незаурядными религиозными мыслителями. Предания о чудесах, сотворенных цадиками были очень популярны в среде хасидов. Первые цадики (кон. XVIII в.) стали основателями династий, так как считалось, что их благодать передается по наследству. Обычно к имени цадика и названию основанного им хасидского толка прибавляют название того города или местечка, где была его резиденция, например, любавичский.
2. ХАБАД – (аббр. иврит. слов хохма, бина, даат — «мудрость, понимание, знание») — одно из основных течений хасидизма, отличающееся особым интеллектуализмом, приоритетом разума, а также утверждением необходимости глубокого изучения Торы.
3. Иешива – высшее религиозное учебное заведение, предназначенное для изучения Устного Закона, главным образом, Талмуда.
4. Хедер – еврейская религиозная начальная школа.
5. Мещане – в России до 1917 года – сословие, низший разряд городских обывателей. Мещане относились к податным сословиям, несли рекрутскую и податную повинность. В основном, это мелкие торговцы и ремесленники.
6. Майса – жанр еврейского устного народного творчества.
7. Суккот – (мн. ч. от иврит., букв. — «кущи», «шалаш») – один из пяти праздников Торы, заповеданных Богом; празднуется семь дней, начиная с 15-го числа осеннего месяца тишрей. Установлен в память о кущах, или шалашах, в которых жили израильтяне во время скитаний в пустыне после Исхода.
8. На памятнике ошибочно написано, что расстрел евреев Добромыслей был «осенью 1942 г.», количество расстрелянных также точно не установлено, но, предположительно, в Добромыслях в годы войны погибло около 200 евреев.

P.S. Автор очерка выражает благодарность д-ру Аркадию Зельцеру, соредактору журнала «Jews in Russia and Eastern Europe», the Hebrew University of Jerusalem за помощь, оказанную в подготовке очерка.

Автор очерка выражает благодарность главному хранителю фондов Государственного архива Витебской области Константину Карпекину. Им подготовлены и переданы для публикации архивные сведения об истории Добромысленской синагоги в конце XIX– первой четверти XX века.

ШУМИЛИНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Шумилино я знаю давно. Не раз встречался с жителями и выходцами из этого местечка, а позднее – городского поселка. О некоторых из них писал в очерках и книгах.

Но мысль написать очерк об истории Шумилино и его еврейской составляющей у меня возникла после того, как я просмотрел книгу «Память. Шумилинский район». Обратил внимание, что про евреев «забыли». Не то, чтобы нет и вовсе упоминаний. Кое-где проскакивает это слово, например, в донесениях витебскому генерал-губернатору о молодых революционерах, которые в 1906 году устроили сходку. Встречаются и еврейские фамилии, например, Героя Советского Союза Моисея Шварцмана, который сражался за освобождение района, а буквально через несколько дней погиб, форсируя Западную Двину в районе Бешенковичей, где ему установлен памятник.

Но о том, что были местечки, где половину населения составляли евреи, где все жители: и белорусы, и русские, и поляки, знали идиш, что были еврейские школы, еврейские колхозы, что было страшное время Холокоста, гетто и расстрельные ямы – в книге ни слова.

Я понимаю, что вышла она в 1985 году, когда было, мягко говоря, «не принято» предавать гласности эту тему. Но сейчас готовится переиздание книги, и надеюсь, что с памятью у ее авторов стало гораздо лучше.

РОДСТВЕННИКИ ВЕЛИКОГО РАЙКИНА

...Бывают же такие совпадения! А может, это вовсе и не совпадение. Когда занимаешься какой-то темой, обращаешь внимание на все, что связано с ней.

Я пришел на выставку, которую устраивала Витебская общинная библиотека, и сразу обратил внимание на красивую, с вышивками, одежду из льна. Ее когда-то, еще до войны, носила Рахиль Залмановна Райкина. Передала одежду для выставки дочь Рахили Залмановны – Майя Щербаковская.

Майя Наумовна рассказала: «Мама жила со своими родителями, братом и двумя сестрами. Все гуляния молодежи в довоенном Шумилино проходили на перроне железнодорожного вокзала. Это был своеобразный центр местечка, куда приходили на людей посмотреть и себя показать. Приходили подружки и говорили: «Роза, хадзі да пезда». Мама одевала лучшее платье, сшитые белые чулки, которые еще не у всех были, белые резиновые тапочки на перепонке, они шли гулять на перрон и ждать, когда придет поезд».

Почти, как в фильме «Безымянная звезда» с великолепными актерами Анастасией Вертинской и Игорем Костолевским. Только в фильме на перрон выходили погулять жители небольшого венгерского городка...

В каждом еврейском местечке обязательно были свои знаменитости. Даже если их не было, их придумывала народная молва, чтобы было чем гордиться, и местным жителям не казалось, что они хуже других. И поэтому, когда заходит речь об известных людях, которые жили через дом, или в крайнем случае, на этой же улице, я отношусь к этому с улыбкой. И вы можете улыбнуться, узнав, что с Шумилино связано имя великого Аркадия Райкина.

Майя Наумовна Щербаковская живет в Витебске. До выхода на пенсию работала ведущим инженером «Белторгпроекта». Ее дед Залман (Соломон) Райкин был братом отца Аркадия Райкина. С этих выяснений родственных связей и начался наш разговор.

– Расскажите о дедушке, – попросил я. – Что это был за человек?

– Как мама рассказывала, был очень веселый человек, очень музыкальный, сам научился играть на скрипке, во всяких мероприятиях участвовал и даже выступал по радио с игрой на скрипке.

– Чем он занимался, кроме игры на скрипке? Чем на хлеб зарабатывал?

– На хлеб зарабатывал... хлебом. Бабушка выпекала хлеб, а дедушка его отвозил в лавку и там продавал, у них была лавка в Шумилино. Во дворе у них стоял большой сарай. Дед организовал в нем красильню и красил сукно.

На другом конце улицы жил еще один красильщик – русский. И вот между ними была конкуренция. Когда дед видел, что кто-то шел с куском сукна мимо него, он кричал ему вслед: «Мужык, ты куды ідзеш? Хадзі сюды». Друг у друга они перехватывали клиентов. Дед был очень активный человек и получил в тридцатые годы в Шумилино прозвище – «Комсомолец».

С начальством был в хороших отношениях. Все его за веселость любили. Был очень компанейским человеком.

– После войны сохранился дом, в котором жил дед?

– Сохранился. И мама со своей сестрой ездили туда. Но там уже другие люди жили, и мои родные не стали претендовать на родительский дом.

– По домашним рассказам, каким было местечко Шумилино?

– Маленькое, деревянное... Жили веселые люди. Не было между людьми разных национальностей вражды.

– В каком году дедушка с бабушкой сыграли свадьбу?

– До революции еще. Потому что Стера – старшая дочка, родилась в 1914 году, потом шла моя мама – родилась в 1915 году. Третьим ребенком в семье был Миша, он родился в 1916 году. И Лиза – 1917 года рождения, самая младшая. Девичья фамилия бабушки Будневич, ее звали Доба, откуда она родом, я не знаю, умерла она в 1940 году. В Витебске жило много ее родственников.

– Семья была и не богатая, и не бедная. Среднего достатка. Работали, зарабатывали. Хватало на хлеб и на одежду. Всех детей поставили на ноги.

– Да, все, кроме Лизы, получили образование.

– Кем работали Райкины?

– Стера и Рахиль окончили Витебское медицинское училище. Мама была 1915 года рождения и по возрасту была слишком молода, чтобы поступать в тот год в училище. Тогда она решила, чтобы комиссия определила ее возраст по внешнему виду. Тогда так можно было. Комиссии она сказала, что родилась 1 июня 1914 года. Комиссия подтвердила. Какого числа родилась Стера, я не знаю. Однажды во время занятий Приходовский, который вел у них гинекологию, говорит: «Сестры Райкины, встаньте, пожалуйста». Они встали. Стера и Рахиль были очень похожи одна на другую. Приходовский говорит: «Посмотрите на этих сестер. Это феномен. Они обе 1914 года рождения. Родные сестры, не близнецы. Разница у них всего в три месяца».

– Хорошая история, райкинская.

– Брат Михаил до войны окончил бухгалтерскую школу или техникум и работал бухгалтером. В первые же дни войны был призван в армию. Воевал, получил орден Красного Знамени, медали. Был ранен. После войны заболел туберкулезом и переехал жить в Ялту, как рекомендовали ему врачи.

– В Шумилинском гетто погибли ваши родные?

– В первые же дни, когда немцы захватили Шумилино, они собрали евреев: деда, Стеру с двумя маленькими детьми, других людей, и колонной погнали в Сиротино, это чуть больше десяти километров. И там расстреляли. Когда гнали, муж Стеры все это видел. Он работал на железной дороге. Звали его Сагалович Марк Аронович. После войны жил в Минске. Папа был в командировке, его видел. Марку Ароновичу было очень больно, что он остался живой, а семья погибла, и не хотел об этом говорить.

– Как он сумел спастись?

– Его удержали силой рабочие депо, чтобы он не побежал к

жене, детям. Он рвался в эту колонну. А потом его переправили в партизанский отряд. Всю войну воевал в отряде.

– Встречали ли вы кого-то из довоенных жителей Шумилино?

– Встречали. Папа с мамой с ними разговаривали. Они ездили в Шумилино, ходили по той улице, где жили. Папа в годы войны получил письмо от земляка, по-моему, его фамилия была Васильев. В этом письме было указано, что вытворяли, и не столько немцы, сколько полиция, на оккупированной территории. И мародерствовали, имущество евреев забирали. Отцу даже писали, что шапку его свата носит.., и следовала фамилия. Я ее сейчас не помню.

ПОЕЗД, ИДУЩИЙ В ИСТОРИЮ

Приехав в Шумилино, я отправился на железнодорожный вокзал. Конечно, хотел посмотреть расписание пригородных электричек. Частые командировки приучили меня, что, в первую очередь, надо позаботиться об обратной дороге.

Но вокзал заинтересовал меня и своей историей. Отсюда начиналось Шумилино. В 1866 году был введен в эксплуатацию железнодорожный участок пути Витебск – Полоцк – Бигосово, который вошел в состав Рижско-Орловской железной дороги. Скорее всего, в этом же году был построен вокзальный комплекс станции Сиротино, который находился в семи километрах на восток от одноименного местечка и стал центром сегодняшнего Шумилино. В комплекс вошли здания вокзала, складские помещения, ремонтные службы, церковь. В ста метрах от здания вокзала построили депо, теперь в нем железнодорожный магазин. Была высажена дубовая аллея. Она сохранилась до сего времени. Красивые мощные деревья – ровесники самого Шумилино.

У вокзала была построена каменная арка, рядом – водонапорная башня из красного кирпича, из которой паровозы заправлялись водой. Башня сохранилась, и редкие туристы, в основном внуки и правнуки первых шумилинских жителей, которые приезжают сюда, непременно фотографируют ее.

Эти старые здания должны помнить, как гуляли по перрону Рахиль Райкина с подругами. Как приходил сюда ее отец Залман Райкин, погибший в гетто.

В 1866 году в деревне Шумилино было всего 5 дворов, 13 зданий и 38 жителей. Риги-Орловская железная дорога изменила жизнь деревни. В начале XX века здесь проживало только 50 человек, но станция играла серьезную роль в тогдашней российской экономике, которая была на подъеме. Как указывает сборник «Полное экономическое описание России» (т. 9, 1905) «...грузят там до 75 тысяч пудов хлебных грузов».

Из окрестных местечек, деревень и даже таких городов, как Полоцк, переселялись сюда люди, в надежде найти работу. Железнодорожная станция давала занятость и возможность зарабатывать.

К 1914–1916 годам Шумилино стало заметным населенным пунктом. Из более западных районов империи, охваченных Первой мировой войной, сюда стали стекаться беженцы. Среди них было немало евреев, которых царское правительство, пытаясь оправдать военные неудачи бездарных полководцев, обвинило в шпионаже в пользу Германии. Большинство беженцев из Шумилино по железной дороге отправлялось дальше в глубь России, но кое-кто оседал и здесь.

Конечно же, в первую очередь, их привлекала наиболее оплачиваемая, наиболее почетная работа на железной дороге. Шли в подсобники, были мальчиками на побегушках. После 1917 года, когда евреев уравнивали в правах, стали учиться и выбились в люди. Григорий Занвиль, ныне живущий в Израиле, рассказал: «В Шумилино до войны жил мой дед Исаак Менделевич Эдельштейн. Он был машинистом поезда, в годы Великой Отечественной войны продолжал водить поезда. Воевал под Москвой, Сталинградом. Имел ордена и медали. После войны перебрался в Витебск, умер в 1981 году».

Среди тех, кто приехал в Шумилино в начале Первой мировой войны, был отец Берты Поляк – Залман-Хона Забежинский. Берта родилась в 1915 году уже в Шумилино и жила здесь до 1929 года, когда после смерти отца вынуждена была переехать в Ленинград.

Берта вспоминала, что ее отец, всю жизнь зарабатывавший на хлеб тяжелым физическим трудом и не представлявший себе, что по-другому можно прожить, говорил сыновьям:

– Учитесь – не учитесь, все равно инженерами не станете.

Все трое его сыновей – Хильке (Илья), Натан (Николай) и Арон – стали инженерами.

А вот самой Берте отец наоборот приказывал:

– Нечего болтаться на улице. Иди в хедер.

Слова отца в те годы были законом. Их не обсуждали, а исполняли. Берта ходила в шумилинский хедер, единственная девочка среди мальчишек.

Она много читала, учила на память стихи. Эти знания ей потом здорово пригодились в ее непростой жизни. Берта пережила голодную зиму в блокадном Ленинграде, потом с детьми была в эвакуации в Омске. После войны по навету ее и мужа засудили: тюрьма, сибирская ссылка. Только в 1955 году с них сняли судимость. Берта всюду пользовалась авторитетом, к ней обращались за советом.

Она говорила:

– Не понимаю, почему евреев представляют маленькими и слабыми. Бабка Доба, мать моего отца Залмана-Хоне, была физически сильной женщиной. Когда ее муж, мой дед, бывал в крепком подпитии, она на руках уносила его домой из шинка. Иногда даже поддавала ему, если он провинился. Ее сыновья тоже выросли сильными и ловкими. Мой отец на своем горбу пианино на пятый этаж затаскивал.

И братья Берты были не из робкого десятка и физически сильными людьми. Натан однажды голыми руками разоружил конвой. В деревне староверов, откуда была его жена, он победил всех по перетягиванию кола. Погиб Натан в боях под Петрозаводском в сентябре 1941 года.

Другой брат – Арон Забежинский тоже воевал, в начале войны был младшим командиром. Когда его бойцы перепились трофейным спиртом, он ударами кулака привел их в чувство и заставил выполнять приказы.

Однажды командир обозвал Арона «жидом». Арон подкара-

улил его в лесочке и побил. Майор пытался выхватить пистолет, но Арон отобрал его и отвесил еще пару ударов. Майор не стал жаловаться: во-первых, не было свидетелей, а во-вторых, стыдно было антисемиту, что побил его еврей.

О своей семье написал внук Берты – ученый и писатель Илья Поляк. Мы опубликовали семейные воспоминания «Майсы бабы Берты» в журнале «Мишпоха», № 17.

Железнодорожная станция Шумилино помнит страшные дни начала Великой Отечественной войны.

Эвакуироваться на восток по железной дороге отсюда смогли не многие.

Некоторые считали, что немцев скоро разобьют, другим было жаль оставлять нажитое доброе, третьи – особенно старики – вспоминали Первую мировую войну и говорили, что «немцы простых людей трогать не будут».

А советская пропаганда не рассказывала людям правду о фашизме.

Тех, кто попытался уйти на восток, ждали немалые трудности. 26 июня 1941 года состав с беженцами немцы разбомбили в Старом Селе. Многие погибли. Слух разнесся быстро, и люди боялись садиться в эшелоны, которые шли на восток. Кроме того, и саму железнодорожную станцию Шумилино немцы постоянно бомбили. И здесь было немало погибших.

Летом 1941 года немцы решили устроить у железнодорожного вокзала показательную казнь двух плененных красноармейцев. Сигнали толпы людей. Делали это, чтобы запугать жителей Шумилино, чтобы все знали, кто теперь хозяин в районном центре. Но красноармейцы оказались мужественными людьми – героями. Когда палачи пытались накинуть на их шеи петли, они стали отбиваться ногами, сбросили немцев с машины. Эсэсовцы, испугавшись двух плененных красноармейцев, изрешетили их тела пулями. Люди, пригнанные на площадь, увидели не показательную казнь, а торжество нестигаемого духа, героизм. К сожалению, так и остались неизвестными фамилии этих героев.

ШУМИЛИНСКАЯ СИНАГОГА

Главным хранителем фондов Государственного архива Витебской области работает Константин Карпекин. Молодой историк готовит кандидатскую диссертацию. Тема связана с историей религиозных конфессий на Витебщине. Исследуя архивные документы, Константин собрал уникальный материал об истории синагог Витебска и местечек на территории области.

– В Шумилино была синагога? – спросил я. – Или евреи ездили, ходили в Сиротино, где было три иудейских общины.

– Каменную синагогу в местечке Шумилино построили еще в 1895 году.

(Государственный архив Витебской области (ГАВО), ф. 2356, оп. 1, д. 31, л. 36).

Население Шумилино в это время было меньше 50 человек. Чтобы открыть синагогу, надо как минимум иметь миньян, то есть десять взрослых мужчин, которые совершают богослужения. Если учесть численность их семей, получается, что в первые годы своей истории население Шумилино было почти полностью еврейским. Конечно, на службы в Шумилинскую синагогу приходили евреи из окрестных деревень, но их было не так уж много.

В 1923 году иудейская община Шумилино насчитывала 67 человек. Руководил общиной Рабинович Давид Ицкович. Резником в местечке являлся 65-летний Эруян Гирша.

(ГАВО, ф. 1821, оп. 1, д. 693, л. 22 об.; ГАВО, ф. 1821, оп. 1, д. 193, л. 111).

Религиозная жизнь евреев Шумилино, которые составляли значительную часть его населения, конечно же, беспокоила партийцев. Особенно после того, как с 17 июля 1924 года Шумилино стало центром Сиротинского района. Здесь разместился райком партии и комсомола, райисполком. И прямо под боком у воинствующих атеистов звучали древние молитвы, совершались различные обряды. Такого власти долго терпеть не могли. В мае 1925 года секретарь Сиротинского райкома КП(б)

Б сообщал окружному начальству, что в Шумилино «еврейское население местечка религиозно и все праздники аккуратно посещает синагогу».

(ГАВО, ф. 10051-п, оп. 1, д. 26, л. 248).

А в апреле 1927 г. на заседании бюро Сиротинского райкома партии было отмечено, что «в Шумилино прибыл один меламед, который готовится к сезону после Пасхи».

(ГАВО, ф. 4-п, оп. 1-а, д. 61, л. 54).

Когда Шумилинская синагога была закрыта, неизвестно. В начале 1930 годов, возможно, она еще действовала. На такую мысль наводит письмо Сиротинского райисполкома, отправленное 23 июня 1930 года в Шумилинский сельсовет. В нем районное начальство указывало на необходимость перерегистрации общины Шумилинской синагоги.

(ГАВО, ф. 147, оп. 1, д. 20, л. 14).

Или здание синагоги уже было отобрано государством и использовалось для других целей, а община до поры до времени оставалась и собиралась на молитвы в чьем-то частном доме, как часто происходило в других местечках.

КОРНИ БИБИ НЕТАНИЯГУ

У Абрама Массарского, который преподавал в шумилинской иешиве в начале XX века, и Маши Мелиховской было четверо детей.

Дочь Рахиль и трое сыновей: Владимир, Григорий и Роман.

Рахиль к началу Великой Отечественной войны жила в Ленинграде, где и пробыла всю блокаду.

Владимир – кадровый офицер. К началу лета 1941 года служил в Шауляе (Литва). Вместе с ним жили жена Аня и четверо детей. Когда началась война, Владимир успел отправить семью в Белоруссию. Надеялся, что в местечке их не тронут. Вся семья погибла.

Владимир воевал под Москвой. За его плечами – бои на Малой земле, где он был тяжело контужен, лечился, снова вернулся в строй. Дошел до Берлина. После войны Владимир Абрамович женился на женщине, которая на Малой земле вынесла его, раненного, с поля боя. У них вырос сын. Всю жизнь Владимир Массарский прожил в Приозерске под Ленинградом.

Григорий до войны работал в Витебске в милиции. В годы войны воевал в партизанском отряде «Сибиряк». Погиб в бою 5 сентября 1942 года.

Роман в 1941 году окончил педучилище в г. Витебске и вернулся в Сиротино. 4 июля 1941 года он пришел в витебский военкомат, но там уже никого не было. После долгих мытарств Роман оказался в Казани, откуда был призван в армию. Прощел всю войну.

Роман Абрамович был очень одаренным человеком, прекрасно рисовал. После войны заведовал детским домом в Белоруссии, много лет работал директором школы. Роман Абрамович Массарский умер в 1996 году.

Родной брат Маши Мелиховской, дядя Владимира, Григория, Романа и Рахили – Натан Мелиховский уехал в Палестину. Это произошло в первой половине двадцатых годов XX века. Его сын – Бенцион Нетаниягу – отец Биньямина (Биби) Нетаниягу. Нетаниягу – фамилия, появившаяся в Израиле.

В биографии премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньягу, опубликованной в интернете, значится «Родители – Бенцион и Циля, выходцы из России».

Теперь можно утверждать: у одного из самых заметных политических деятелей Израиля, нынешнего премьер-министра этой страны, шумилинские корни.

ЗНАТОК МЕСТНОЙ ИСТОРИИ

После железнодорожного вокзала я отправился в районную больницу. Слава Богу, в дороге я ничем не заболел. Спешил на встречу с заведующим терапевтическим отделением Виктором

Васильевичем Улютенко, но интересовал он меня как краевед и литератор.

Мы сидим в небольшом кабинете, и Виктор Васильевич, выкроив полчаса в напряженном рабочем дне, рассказывает мне:

– Четыре года назад меня стала беспокоить еврейская тема. Во-первых, не удовлетворяет обстановка, которая сложилась вокруг еврейских кладбищ. Похоронены здесь наши люди, труженики, колхозники, которые были, в большинстве своем, расстреляны во время войны, но должного внимания по уходу за могилами, а также достойного увековечивания памяти я не встречал.

Я православный человек, корни мои из России, из донского казачества, родился я в Шумилино. Прабабушка была русская, бабушка – белоруска. Мне 60 лет.

Меня стало интересовать еврейство Шумилинщины, эта тема большая. Я стал заниматься временем Великой Отечественной войны, расстрелами еврейского населения. Эта работа продолжается по сегодняшний день, есть несколько публикаций. Я переписываюсь с еврейскими семьями из Шумилино, которые живут в разных странах. В Бремене (Германия) живет семья Скобелева Григория Мееровича. Во время массового расстрела евреев Сиротино (расстояние между двумя населенными пунктами Сиротино и Шумилино всего девять километров) фашисты гнали в колонне 317 обреченных, расстреляли – 316. Григорий Меерович сбежал из-под расстрела. Он мне рассказывал о подробностях той страшной трагедии.

Мне помогает Массарский Михаил Романович, который проживает в городе Казани. Я собрал архивные записи, воспоминания людей.

– Какие темы еще вас интересуют как литератора, краеведа?

– Экология. Я участник республиканских конкурсов, занимал призовые места за очерки, рассказы, написанные на эту тему.

У меня вышла книга, связанная с православием на Шумилинской земле. Недалеко от деревни Козоногово стояла часовенка Великомученицы Параскевы нареченной Пятницы. Я всеми силами пытаюсь ее восстановить.

– Давно занимаетесь краеведением, литературой?

– Меня всегда интересовала история родных мест. Как можно не интересоваться тем, что видишь, что считаешь родным! Я член Союза журналистов Беларуси.

– Вспоминаю ваш прекрасно написанный рассказ «И стала жить про него память».

Это не художественное произведение, а документальное. В августе 1942 года в деревню Козоногово пришел еврей Срол. Моя бабушка Марья Ильинична была с ним хорошо знакома. Срол собирал до войны по деревням макулатуру и ветошь, привозил на обмен товары, мануфактуру. Когда были еврейские погромы, с августа до конца ноября 1941 года, он прятался где-то.

На этот раз Срол шел в Шумилино, чтобы обменять что-то на продукты. Зашел к бабушке узнать, что вокруг творится. Бабушка увидела его и испугалась. В деревне были полицаи. Она сказала Сролу: «Скрывайся быстро, только не иди по дороге. Убегай через лес». Бабушка дала ему буханку круглого хлеба, и Срол ушел. Но не послушался, пошел не лесом, а по дороге на Шумилино.

Догнала фурманка с полицаями, они сразу его узнали. Полицаи были из местных. Срол побежал, ему выстрелили в спину и убили. Он у подножья горы лежал с прижатым к груди хлебом. Похоронили его там же. Был сначала холмик, а потом его снесло весенней водой.

От Виктора Васильевича Улютенко я услышал легенду все о том же тряпичнике Сроле, как называли его в деревнях.

«После войны в Козоногове, если кто-то болел или начинался падеж скота, люди говорили: «Вот приехал бы старый Срол на рябом конике да закинул бы на телегу болезнь, да отвез бы ее вместе с другим хламом в далекие края, откуда и возврата нет». А когда кто-то слышал за окном чуть слышный звон: или со стрехи оборвется сосулька, или заиграет на ветру замерзший куст сирени, или летом правит косу косец и за околицей слышен легкий перезвон, люди говорили: «Хорошая примета! Это приехал на рябом конике старый еврей. Слышишь, как конская упряжь позвякивает? Он заберет с со-

бой то, что людям мешает жить: и болезни, и напасти. И отвезет их далеко-далеко в топкие болота».

В очерке «Окаменевший закат» рассказывается о последних часах жизни евреев Сиротина, В.В. Улютенко вспоминает о старой еврейке Хане-Рейзе. Сиротинским евреям полицаи говорили, что ведут их на какое-то собрание в соседнюю деревню, мол, там амбары большие, можно всех вместе собрать. Когда подошли к песчаному карьере, что у Гнилого моста и старая женщина увидела свежерытые ямы, сомнений у нее не осталось. Она закричала: «Убегайте, кто может. Вас ведут убивать». Полицаи тут же застрелили Хану-Рейзу. С тех пор местные жители стали называть этот пятачок «Хана-Рейза».

ШУМИЛИНСКАЯ ФАМИЛИЯ

После разговора с Виктором Васильевичем Улютенко я заехал на шумилинское еврейское кладбище. Оно еще действующее и по сравнению с другими кладбищами в небольших городках, находится в более-менее пристойном состоянии. Сохранились старые мацейвы, и на них еще можно прочесть надписи. Усилиями Витебского областного общества по досмотру за еврейскими кладбищами «Бетолам» выпущена брошюра «Еврейское кладбище. Шумилино», в ней перечислены все захоронения. Кладбище огорожено, ограда покрашена. Сделано это было, в первую очередь, усилиями Исаака Галынкина, неформального лидера маленькой еврейской общины. Недавно Исаак умер. Кто теперь будет смотреть за кладбищем?

Мы были на кладбище вместе с женой Исаака Галынкина – Людмилой Исааковной. Подошли к могиле ее мужа.

– Исаак Давидович работал фельдшером на «Скорой помощи». Умер в день своего рождения, пришел на работу, взялся за чемоданчик с лекарствами и... Было ему 63 года.

Я сказал, что по еврейской традиции считается, праведники, то есть честные, благородные, не нарушающие законы люди живут полный год – уходят из жизни в день своего рождения.

– Исаак Давидович был очень хорошим человеком. У них

вся семья была такая. Его отец Давид Исаакович – местный, шумилинский. Мама Нина Абрамовна родилась в Городке, но перебралась сюда. У них было четверо детей.

Давид Исаакович ушел на фронт в первые дни войны, под Сталинградом был ранен, потерял ногу. Вернулся с войны инвалидом. Работал в керосиновой лавке, в ларьках, образования у него не было. Люди его уважали, считались с его мнением.

...В Витебске в соседнем доме живет пожилая женщина. Возвращаясь с работы, я прохожу мимо лавочки, на которой она сидит часами. Компанию ей редко кто составляет, и, наверное, поэтому она обычно разглядывает старые газеты. Я здороваюсь, иногда останавливаюсь, чтобы спросить, как ее здоровье. Однажды сказал ей, что ищу шумилинских старожил, и услышал в ответ:

– Так вы пришли именно ко мне. Я не совсем шумилинская, но кое-что знаю.

Мою соседку зовут Маня Донская. Она 1924 года рождения.

– Я витебская. И до войны жила с родителями в Витебске. Потом мы были в эвакуации, после освобождения вернулись домой.

– Как вы оказались в Шумилино? – спрашиваю я.

– Я вышла замуж за Давида Галынкина из Шумилино. Он воевал, пришел с войны без ноги. Женился. У него родились близнецы. Мальчик и девочка. Девочка умерла маленькой. Мальчик подрос, переехал в Калининград, служил на флоте. Первая жена Давида умерла. Мы сошлись с ним. Я переехала жить к нему в Шумилино.

Я вспомнил, как двадцать лет назад на этой же лавочке сидел пожилой грузный человек. Вместо ноги у него был протез. Однажды мужчина у меня спросил, умею ли я разговаривать по-еврейски. И не дождавшись ответа, сказал: «Приходи, буду учить». А потом, улынувшись, добавил: «Надо же мне с кем-то поговорить на еврейском, пока жена на огороде работает. А то скоро забуду все слова».

Маня Донская, чтобы, не дай Бог, никто не услышал, стала рассказывать мне о Шумилино.

–У моего мужа там расстреляли родителей, братьев, сестер, родственников. Мне рассказывали, как их расстреливали. Вели по дороге, а местные жители стояли по одной и по другой сторонам и смотрели. Было много евреев, около 400 человек. Сзади шли с собаками немцы.

Когда подвели близко к яме, молодые евреи запели «Интернационал». Их стали избивать плетками и собак на них натравили.

Одна еврейка, она жила до войны в Витебске недалеко от нас, пряталась с девочкой в Шумилино. Девочка – это был очень поздний ребенок у родителей, ей шел всего шестой год, кучерявая такая, темные волосы. Мама девочку подстригла коротко, надела платочек, думала, никто не догадается, что она еврейка. Они ходили по деревням. Мама была портнихой. Шила, ее за это кормили.

Однажды она узнала, что в Шумилино будут расстреливать евреев. Там же прятался ее старший сын с женой и тремя детьми. И вот женщина видит: на расстрел ведут сына и всю его семью. Если бы она закричала, ее бы тоже в эту яму кинули. Она стояла, все видела и молчала.

Маня Донская рассказала эту историю и заплакала.

– Я тоже потеряла в войну свою младшую сестричку Хаю. Она погибла в Витебске.

– Вы бывали в Добеевом Мху, на месте расстрела? – спрашиваю я.

– А как же, – говорит Маня. – Каждый год ходили по несколько раз. Давид там памятник когда-то поставил, и хотя ему трудно было ходить на протезе, но это место было святое для него.

Там был памятник, ограда, а внутри нее – большой бугор, заросший крапивой. Давид позвал человека и попросил: «Скоси траву. Сам не могу. Инвалид».

Давид купил бутылку водки и хотел рассчитаться. Но тот человек не взял. Сказал, что за такую работу ничего не возьмет. Я даже удивилась.

Однажды мы пошли на могилу. Увидели: кто-то принес букет полевых цветов. Оказывается, ученики школы.

Пока был живой, говорил: «Давай, Маня, пойдём к могиле»...

Я вспомнил эту историю, когда Людмила Исааковна Галынкина рассказала о муже, о его родителях.

– Давно в Шумилино живете? – спросил я у Людмилы Исааковна.

– Приехала сюда в 1959 году после учебы, по профессии провизор. Тут вышла замуж. Считайте, вся жизнь тут прошла.

Мой муж поставил второй памятник на месте расстрела шумилинских евреев. А первый памятник поставил в свое время его отец Давид Исаакович.

Место, где расстреливали шумилинских евреев, называется Добеев Мох. Там расположено торфопредприятие.

Мы сели на машину и поехали.

По дороге Людмила Исааковна рассказывала:

– Исаак, видно, что-то чувствовал, хотел поставить этот памятник, рядом со старым, а денег не было. Он ходил к районному начальству, но никакого результата. А потом Науменко, местный предприниматель, памятники в Шумилино делает, дал безвозмездно кусок белого мрамора. Ему придали нужную форму, отшлифовали. Мария Алексеевна Ковалева пожертвовала деньги. За эти деньги сделали надпись и установили памятник.

На благоустройство территории вокруг памятников деньги перечислила Витебская еврейская община.

Мария Алексеевна (Мира Ароновна) Ковалева-Злотникова ехала в машине вместе с нами. Судьба у нее непростая. Дочка еврея и белоруски, она родилась в Ленинграде незадолго до начала войны в семье глухонемых. На лето внучку привезли к бабушке в Дубровенский район Витебской области. Здесь ее застала война. Она была малолетней узницей гетто и концлагеря. Выжила, скорее вопреки, а не благодаря... В годы войны погибли ее мать и отец... Она, педагог, многие годы отработала на Дальнем Севере, и только выйдя на пенсию, вернулась в Беларусь.

– Я не знаю, где похоронены мои родители, и решила в память о них дать деньги на этот памятник, – сказала Мария Алексеевна.

Мы приехали в Добеев Мох и прошли к памятникам. В ограде было аккуратно подметено. Видно, что убирали недавно.

– Школа присматривает за этим местом, – сказала Мария Алексеевна. – Знали, что вы придете сюда, позвонили в школу. Учителя и ученики позаботились об уборке. Но и безо всяких напоминаний делают это регулярно.

Сразу после войны на месте расстрела шумилинских евреев их родственники, пришедшие домой из армии, вернувшиеся из эвакуации, поставили деревянную тумбочку. В середине пятидесятых годов Давид Исаакович Галынкин установил на месте расстрела памятник. Он был инициатором этого дела, а деньги собирали всем миром, каждый вносил, сколько мог. Прямо скажем, власти не приветствовали этот поступок, особенно не нравилось то, что надпись на памятнике была сделана на непонятном им иврите. Беседовали с Давидом Галынкиным, убеждали его, но применить какие-то санкции к непослушному инвалиду войны не решились.

Это один из немногих памятников в Беларуси, где надпись сделана на иврите.

«Нашим отцам, сестрам и братьям!

Жителям города Шумилино, погибшим за веру (кидуш а шем-иврит).

Пусть будут их души вплетены в вечный узел жизни».

СВИДЕТЕЛЬ КРОВАВОЙ ТРАГЕДИИ

Больше десяти лет назад, когда вместе с историком Михаилом Рывкиным мы писали книгу «Породненные войной», рассказывающую о русских, белорусах, поляках, людях других национальностей, которые спасали евреев в годы войны, произошла моя первая встреча с Яковом Рувимовичем Могильницким.

Мы стояли у памятника в Добеевом Мху, и Яков Рувимович сказал:

– Здесь, в братской могиле, лежат моя мама и сестра. Если бы мне не удалось обмануть в последний момент судьбу, здесь

должен был лежать и я.

А потом я услышал подробный рассказ о событиях тех дней.

«До войны мы жили в Витебске. Я успел окончить пять классов. Был в доме единственный мужчина. Понимал, что надо заботиться о маме, сестре. В конце июня 41-го года решили, что надо эвакуироваться. Я нашел бесхозную подводку. Сначала мы хотели ехать на восток. Но наша соседка (у нее было трое маленьких девочек) сказала, что в Шумилино бедных евреев никогда не трогали. У нее там живет сестра... Тогда мы были готовы верить любым наивным словам. В общем, погрузились мы на подводку: мама, сестра, соседка с тремя детьми. Положили кое-какие пожитки и поехали. Это было в начале июля. Навстречу нам уже шли немецкие части. Мы слышали, что фашисты уничтожали всех евреев. Однажды, когда рядом с нами остановился немецкий солдат, тогда он мне показался пожилым, я спросил у него на идише:

– Скажите, это правда, что немцы убивают всех евреев? – Он хорошо понял мой вопрос, посмотрел на меня и ответил:

– Да, это правда, мальчик, – и дал кусок хлеба.

Мама начала плакать, соседкины девочки тоже. Но куда нам было деваться? Кругом немцы. И мы решили продолжить путь до Шумилино.

(Люди, в силу разных причин, надеялись, что сумеют обмануть судьбу. Не смотря на то, что Шумилино находится на железной дороге и эвакуироваться было, хотя и очень трудно, но возможно, это сделали всего несколько десятков семей. Мы знаем о Нахамкиных, Галынкиных, Старосельских, Каберманах, Галерманах, Иоффе – А.Ш.)

– Первые недели нас никто не трогал, – продолжает рассказ Яков Рувимович Могильницкий. – Потом немцы организовали полицию.

Полиция стали издеваться над евреями, избивать их, забирали все, что им приглянулось, непокорных расстреливали.

По соседству с Ханой Эдельштейн жил полицай. Хана пошла забрать у него свой котелок. Полицай забил ее до смерти этим котелком.

– Где-то через месяц после нашего прихода в Шумилино, в том районе города, где сейчас кладбище, отвели несколько домов, русских оттуда выселили и стали в них сгонять евреев из всего городка. Так появилось гетто. (Оно находилось на улице Почтовой, современное название – улица Пионерская – А.Ш.) – продолжает рассказ Яков Рувимович Могильницкий. – Этот район огородили колючей проволокой. На ней висели банки, склянки, они звенели, если кто-то дотрагивался до ограждения. На вышке сидел полицейский с пулеметом. Он открывал огонь по каждому, кто подходил к запретной черте. Чем мы питались? Передавали за пределы гетто все, что мы сумели второпях взять с собой из дому: одежду, у кого-то были часы, у кого-то обручальные кольца. Оттуда нам приносили хлеб, картошку. Когда происходил обмен, некоторые полицаи делали вид, что у них есть срочные дела, отходили в сторону, а потом брали за это деньги, золото. Мужчин водили на работу. Неподалеку была железнодорожная станция. Там узники разгружали вагоны.

Я умудрялся ночью проползать под ограждением гетто и уходил в деревню, – рассказывал Яков Могильницкий. – Там что-нибудь обменивал и возвращался обратно с едой для мамы и сестры.

Так продолжалось четыре месяца. В середине ноября все стали понимать, что не сегодня – так завтра немцы расстреляют узников гетто. Да полицаи и не скрывали этого. Говорили, что скоро всем евреям конец.

Двое стариков в гетто повесились. Наверное, от безысходности, от чувства бессилия, оттого, что ничем не могли помочь ни детям, ни внукам.

И если раньше Яшина мама боялась, когда ее сын уходил за продуктами, то теперь она сама стала выпроваживать его из гетто. Однажды Яша ушел и двое суток ходил по деревням, все обменял, и когда уже возвращался обратно, его задержал какой-то мужчина:

– Ты чего лицо прячешь? Думаешь, не вижу, кто ты. Не ходи туда. Ваших всех расстреляли.

Яша побежал в гетто. Его остановила женщина и тоже сказала:

– Не ходи туда. Ты ничего не сделаешь. Всех ваших сегодня утром расстреляли.

Уже потом узнал Яков Могильницкий подробности этого расстрела. До места казни надо было идти метров пятьсот. Стоял дикий вой, плач, крики. А палачи смеялись и говорили: «Вы же к поезду идете. Поедете в Палестину. Хотели туда, немцы вас отправляют». Это было 19 ноября 1941 года.

Яшу спасли мужественные люди Голиковы-Кутенко из села Пятницкое. Они удостоены звания Праведники Народов Мира. Яша Могильницкий попал в партизанский отряд, после освобождения Белоруссии пошел служить в Советскую Армию, хотя был еще не призывного возраста. Дошел с армией до Кенигсберга, служил на Дальнем Востоке.

Сбежала из Шумилинского гетто и Ася Наумовна Петровская. Она 1923 года рождения. Довоенные подруги звали ее Бася. Она скрывалась в деревне Казьяны, а потом попала в партизанский отряд 1-й Белорусской партизанской бригады.

Молодежь в гетто пыталась организовать сопротивление. Попытки были скорее отчаянные, чем результативные.

Как вспоминала довоенная жительница Шумилино Зинаида Михайловна Лишакова: «Наверное, летом 1941 года, точную дату не помню, 12 еврейских юношей свезли к деревне Стариновичи в двадцати километрах от Шумилино. Их заставили рыть яму, а потом в ней же закопали всех... Трех погибших я знала. Это Эстрав Залман, Нейман Снеер и Шенькин...»

14 октября гетто расстреляли в вырытой накануне огромной яме. (Думаю, свидетельница ошибается в дате. Это произошло 19 ноября.) После их гибели гитлеровцы прочесывали местечко и, найдя евреев, расстреливали. В тот день погибли мои одноклассники: Роза Будневич, Шамес Абрам и Полина, Эльза Магадей, Вера Кац, Люся Татарская, Люся и Хана Стеркины. Погибли они со своими семьями. Такая же участь постигла мою учительницу Эйдлину Розу Самуиловну и ее трехлетнего сына, семьи Эстравых, Масарских, Уздиных, Петровских, Гольштейн».

(Цитируется по книге Г. Винницы «Горечь и боль», Орша, 1998 г.)

ПРАВЕДНЫЕ ЛЮДИ

В 2003 году я писал очерк о людях, которые спасали евреев в годы Великой Отечественной войны, но по разным причинам до сих пор так и не удостоены почетного звания «Праведник Народов Мира». Одна из историй рассказывает о семье Щелкуновых. Она была написана на основании письма, полученного от Фаины Фидерак. Сейчас она живет в Минске. Насколько я понимаю, публикацию увидели в Израильском музее Героизма и Катастрофы Яд-Вашем. Вышли на Валентину Андреевну Щелкунову (Лепешкину). Ее родители и она с сестрой спасали еврейских детей. Сотрудники Яд-Вашема просили ответить на вопросы, а фактически подтвердить, все ли верно в воспоминаниях Фаины Фидерак. Это необходимая процедура для официального присвоения звания «Праведник Народов Мира».

Письмо за Валентину Андреевну в Яд-Вашем написала ее двоюродная сестра – очень активная женщина. А сама Лепешкина только махнула рукой и сказала: «Буду я писать письма...».

Это письмо случайно нашло меня. Я приехал в Шумилино вместе с работниками Витебской еврейской благотворительной организации «Хасдей Давид». Именно их просили отправить письмо в Яд-Вашем. Прочитав его, с разрешения авторов, в благотворительной организации решили оказывать Лепешкиной посильную помощь: покупать дрова, лекарства. Валентина Андреевна живет одна: муж умер, дети разъехались. Недавно она вышла из больницы, так что помощь пришлась кстати.

Мы сидели на кухне. В доме жарко натоплено. Мимо окон постоянно курсирует маневровый тепловоз. От крыльца до железнодорожных путей метров тридцать, а до вокзала станции Шумилино – метров сто.

Я включил диктофон, и Валентина Андреевна начала рассказывать.

Готовя эту публикацию, сравнивая услышанный рассказ, письмо в Яд-Вашем и воспоминания Фаины Окунь, я вносил некоторые уточнения, добавления. Но, несмотря на то, что прошло

более шестидесяти пяти лет, память уже пожилых женщин абсолютно четко воспроизводила давние события. Рассказы совпадали даже в мельчайших деталях. Я понимал, что это одни из самых запоминающихся эпизодов их жизни.

– Папа мой Андрей Иванович Щелкунов до войны работал в Витебске на железной дороге грузчиком, – рассказывала Валентина Андреевна. – Не хотел вступать в колхоз и отправился на работу в город. Мы жили на хуторе Ферма, в 18 километрах от Витебска.

Мама, Надежда Дмитриевна, тоже не вступала в колхоз до конца тридцатых годов. На хуторе родилась в 1933 году моя младшая сестра Лиза.

Когда стали укрупнять поселки, нас переселили с хутора в Новую деревню, другое название Новозароново (ныне Сиротинского сельсовета Шумилинского района). Мама, это было уже перед самой войной, пошла работать в колхоз. От Новозароново до Витебска 25 километров.

Отца в 1941 году в армию не взяли, у железнодорожников была бронь. Немцы заняли Витебск, и отец ушел пешком домой в деревню. Мы стали достраивать дом, надо же жить где-то.

В деревне не было немецкого гарнизона и своих доморощенных полицаяв не было.

Валентина Андреевна, вероятно, оценивая события тех лет, сказала: «В нашей деревне ангелы жили одни».

Мы знали, в Новозароново ходили разговоры: «В Леончихиной бане прячутся еврейские ребята». Леончиха – наша соседка, жила через три дома. Ее звали Жукова Анастасия Васильевна. Муж был на фронте, в доме жило семеро своих детей.

Настал Покров – православный праздник. Это было 14 октября 1941 года. Как раз в тот день выпал снег. Вообще зима 1941 года была очень ранняя и суровая.

Наш дом стоял третий с краю деревни. Мимо шла дорога. Смотрю в окно: дети идут, взявшись за руки. Не наши, не местные. Я говорю маме: «Видно, это те ребята, что у Леончихи в бане прятались». Но мы слышали, что там трое было, а здесь двое: мальчик и девочка. Идут, трясутся от холода.

Я говорю:

– Мама, давай позовем их в дом, накормим.

– Ну, давай, – согласилась мама.

Из воспоминаний Фаины Федерак я знал, что до войны эта семья жила в Витебске. Глава семьи Александр Федерак был военным, его жена Зинаида работала на одной из фабрик. Росло у них трое детей: Володя – старший, к началу войны школьник младших классов, Феня и Юра.

В сороковом году началась финская кампания. Александр Федерак ушел на фронт и не вернулся. Мать одна поднимала детей. Тяжело было, но она бы сумела поставить их на ноги, если бы не война. Зинаида Федерак погибла во время бомбежки Витебска. Старший брат Володя, мгновенно повзрослев, взял на себя заботу о младших. Он вывел их из горящего города, и дети стали скитаться по деревням. Кушали, что выпросят, спали, где пустят. Иногда приходилось ночевать под открытым небом.

С июля по октябрь скитались дети. Те, кто их прятал, знали, что за укрывательство евреев им и их семьям грозит расстрел. И Жукова Анастасия Васильевна знала об этом, но не сообщила в полицию, не прогнала сирот.

– В нашу деревню они заходили со стороны Гришанов, – продолжает рассказ Валентина Андреевна. – Значит, там тоже у кого-то прятались. Мы не расспрашивали, а дети уже понимали, что лишнее говорить нельзя.

Мама поставила на стол еду. Они что-то съели, а хлеб спрятали в свои торбочки. За плечами у каждого из них были небольшие мешочки. В них лежали сырые картофелины и свекла. Хлеб они спрятали про запас. Сидели за столом и все время держались за руки. Они и после часто так ходили, взявшись за руки. Фене было пять лет, а Юре – три.

Стала мама их расспрашивать, кто они, откуда... Дети вначале молчали и только испуганно смотрели на нас. Когда мама сказала: «Вас же было трое, куда делся третий?», они стали рассказывать, что их старший брат Володя довел их до деревни, а сам повернул в сторону леса, сказал, что пойдет искать парти-

зан. С тех пор ребята больше его не видели. Феня пыталась разыскать брата после войны, но безуспешно.

Дети покушали и смотрят на маму, отца, а у тех язык не повернулся выпроводить их на улицу, на мороз и снег.

Одеты дети были, не приведи Господь. Ботиночки все сношенные, считайте, голыми ступнями по снегу ходили, у мальчика пальтишко черненькое, без подкладки. А девочка, даже не помню, в чем была, тряпье какое-то порванное со всех сторон.

Мама сказала ребятам, чтоб залазили на печку. Нагрела воды и вымыла их. Они мылись, наверное, первый раз за много месяцев.

Так Феня и Юра остались у нас.

Соседи все знали. Деревня большая была – 35 домов. Говорили: «Жида, жида». Но никто не выдал.

Фаина Александровна Окунь вспоминает, что хозяйку дома они называли тетей, а ее мужа – дядей. Хозяйские дети стали им сестрами, вместе шили куклы, делали игрушки.

Деревня Новозароново находилась возле леса. Немцы заезжали сюда нечасто и ненадолго. Наверное, все-таки побаивались партизан. Но, когда они появлялись, хозяйева быстренько уводили детей в огород за кусты. Да и сами дети уже все понимали. Они не выходили за калитку, играли только во дворе. И когда появлялся кто-то незнакомый, мгновенно прятались. У Фени и Юры были темные волосы. Надежда Дмитриевна одевала девочке белую косынку, а мальчику шапку, чтобы не привлекать внимания. Но все же однажды Щелкуновы не успели спрятать детей. И сказали немцам, что это их мальчик и девочка. Те переглянулись и ушли.

Как говорится: «В семье не без урода». Был в деревне такой Гривко. Это прозвище. Имя стерлось в памяти. Он время от времени заходил в дом к Щелкуновым и угрожал, что донесет немцам. Не потерпит, чтобы здесь прятали еврейских детей. Надежда Дмитриевна, чтобы задобрить Гривко, давала ему сало, другие продукты, самогон.

Но все же в управе узнали, что Щелкуновы прячут евреев. Управа находилась в деревне Завязье, это в нескольких кило-

метрах от Новозароново. Приехал бургомистр Скоринкин с полицаем. Спрашивают:

– Ну, что, Дмитриевна, с этими жиденятами делать будешь? Щелкунова долго молчала, а потом ответила:

– Что хотите, делайте, только не моих глазах. Чтоб мои глаза это не видели.

Бургомистр с полицейским переглянулись и ушли. Наверное, решили переложить черную работу на других. Но больше ни полицаи, ни бургомистр в доме у Щелкуновых не появлялись. Говорят, в управе секретарем работала женщина, по прозвищу Какчиха. Трудно сказать, в силу каких причин, но уберегла она еврейских детей от расправы.

За бургомистром Скоринкиным охотились партизаны, но он сумел избежать расправы и дожил до прихода Советской Армии. Потом его судили, дали большой срок и отправили отбывать наказание в Республику Коми.

– Зимой 1941 года в деревнях был голод. С осени запасов не сделали, в магазинах ничего не купишь. Стали делить колхозные запасы – жить-то надо, – рассказывает Валентина Андреевна. – Старые колхозники получали побольше и картошки, и зерна. Нам выделили немного, и на Феню с Юрой дали. Правда, некоторые говорили, что не надо на них ничего давать. Кто они нам? Но большинство решило, что на ребят надо выделить продовольствие.

Вот так и жили Феня с Юрой и 1942-й год, и 1943-й. С едой легче стало. В 1942 году подели колхозную землю на наделы, засеяли. Осенью собрали урожай. Так что и с картошкой были, и с зерном. Зерно в 1943 году, когда шли бои возле нашей деревни, отец даже закопал, чтобы оно не сгорело.

Под Новый 1944 год Новозароново освободили. Во время артобстрела снаряд попал в наш дом, снес кусок стены, сломал печь, но все же стены и крыша остались. Отца забрали в Советскую Армию. В это время на деревню обрушилась эпидемия тифа. Заболела мама, мы с сестрой, а Феня с Юрой – остались здоровыми. Как будто Бог их берег.

В нашей деревне стояли части нашей армии. А линия фронта проходила рядом, у деревни Язвино Шумилинского района.

Весной ожидали большие бои, и мирных жителей решили эвакуировать под Городок. Военные выделили лошадей, сказали, что можем взять с собой то, что считаем необходимым. Мы взяли одежду, запасы картошки. Феня и Юра поехали с нами. Сначала нас разместили в районе Городка, а потом отправили дальше на восток, под Велиж. Жили мы в деревне Губа на берегу Западной Двины. Там в колхозе работали, хозяйке, у которой жили, помогали. Сначала она нас принимать не хотела, а когда расставались – плакала. Когда наши войска пошли на запад, нам предложили вернуться домой, а ребят хотели оставить там – в детском доме. Они стали плакать, проситься, говорили, что, если и будут жить в детдоме, то рядом с нами. Поплыли мы на баржах до Витебска, а оттуда добирались до дома.

От деревни оставалось всего пять домов, и в том числе наш. Видно, Бог нам помогал. Поселилось нас пять человек и семья Жуковой с семьей детьми. Спали на полу, но все уже ждали Победы, возвращения с фронта мужчин.

В начале 1945 года опять на нас обрушился голод. Мама думала-думала и решила отвести ребят в детдом в деревню Лесковичи. Это недалеко от нас. Феня и Юра, хоть и плакали, но пошли на новое место. Они часто из детдома прибегали, а летом целыми днями у нас были.

Вспоминая Лесковичский детский дом, Феня Александровна, как сейчас, видит перед глазами длинный деревянный стол, за которым сидят 50-60 остриженных наголо малышей. На столе большие деревянные миски, по одной на 5-6 детей, и у каждого по деревянной ложке. Дети едят из общей миски овсяный, из непросеянной муки, кулеш. Кто сколько успеет схватить, а кто не дотянется – останется голодным. Потом вместо мисок появились консервные банки. Тяжелую осень пережили и зиму, весной и летом стало легче...

В детдоме Феня пробыла 11 лет, Юра – 7. Потом его отправили в ремесленное училище.

– В сорок пятом вернулся с фронта отец, – продолжает рассказ Валентина Андреевна. – Он получил тяжелые ранения, и у него сидел осколок в голове. К 1949 году ему стало совсем

плохо. Его положили в Минск в институт, и там он вскоре умер.

Феня стала работать на почте в деревне Островно, потом вышла замуж и переехала в Минск.

Юра уехал работать на Донбасс.

Феня Александровна часто приезжала в гости к Щелкуновым, Валентина гостила у нее в Минске.

Прошли десятилетия. Умерла Надежда Дмитриевна, не стало Елизаветы Андреевны.

Феня Окунь и Валентина Лепешкина уже пожилые женщины, нет сил часто приезжать друг к другу, но они перезваниваются, интересуются делами, считают себя родными людьми.

ЗАКОПАННЫЙ КЛЮЧ ОТ ПРОШЛОГО

Давиду Иосифовичу Массарскому 86 лет. Он живет в Витебске. Ходит с палочкой, рассказываются фронтовые ранения, осколки до сих пор в ноге. «Наверное, уйду с ними», – грустно говорит ветеран. Но он довольно живо и обстоятельно рассказывает о своей жизни, память не подводит его, иногда шутит, и беседовать с ним приятно.

– Что вам рассказать о Шумилино? – повторяет он мой вопрос. – Я родился в 1926 году и до самой войны прожил там. После войны приезжал на родину, но это уже было другое Шумилино.

Фамилия Массарский распространенная в этих местах. И я спросил Давида Иосифовича о родственниках.

– Близких родственников среди Массарских у нас не было, ну, а дальних... Может, я не знал в те годы обо всех родственниках. Другие были интересы.

Я попросил рассказать о родителях, и Массарский стал рассказывать.

– Отец был из большой и бедной семьи. Он 1900 года рождения. У него было два брата и три сестры. Деда звали Юда. И дед, и отец (Давид Иосифович называет его «батька») работали у одного богатого еврея. Хозяин давал им товары, они обходили деревни и продавали или обменивали их на сельхозпродукты.

«Я стал человеком благодаря Советской власти, – вспоминал мой отец. – Когда работали на хозяина, жили впроголодь. Хозяин собак кормил мясом, которое мы редко видели».

Когда установилась Советская власть, Иосиф Массарский стал учиться. Овладел грамотой. У него была торговая жилка. Он пошел работать заготовителем в сельпо. Крупный рогатый скот, кролики, птица – он сразу определял качество товара. И не ошибался. Работал в заготовительном ларьке, в Шумилино был такой возле базара. До 1935 года мы жили в Сиротино, а потом перебрались в Шумилино, купили домик.

У меня было три брата. Старший Гдаля (его чаще называли Гриша), Боря и младший Юра.

С Гришей случилось несчастье. Это было еще до войны. Он катался с горки на коньках. Упал и ударился головой. А через две недели умер.

Мамина девичья фамилия Красильщикова. Звали ее Мейта (Маня). Ее отец Хаим Красильщиков был в Сиротино старостой синагоги, небедный был человек. Отец и мама встречались, дружили. А когда решили пожениться, Хаим Красильщиков встал на дыбы, сказал: «Куда брат такого бедняка?!». Отец был решительный человек и заявил, что, если ему не разрешат жениться на Мане, он повесится. В местечке пошли разные слухи. И Хаим согласился отдать дочь за Иосифа Массарского.

Отец прожил с мамой шестнадцать лет, нажили четырех детей, а потом они развелись. Это было в 1939 году. Отец так все оформил, что мама поначалу не знала о разводе. В те годы в местечках в еврейских семьях редко случались разводы.

Отец встретил женщину – Елену Семенюк. Она до этого училась в Москве в партийной школе, потом ее прислали на работу в Шумилино в райком партии. Открывали ресторан, и ее назначили директором. Отец ездил с ней по деревням заготавливать мясо, и они сошлись.

Про отца в Шумилино говорили, что он сумасшедший. Бросил семью, стал жить с русской женщиной. У Елены уже был сын Валера.

Жили мы в это время материально очень трудно. Мама подрабатывала портнихой. Но разве можно прокормить семью за те копейки, что она зарабатывала... Я приходил к бабушке в ларек и говорил: «Дай на хлеб деньги». Он лез в карман, обычно долго копался, и доставал самую мелкую купюру. Я говорил ему: «Разве этого хватит на хлеб?» Тогда он снова лез в карман и доставал еще одну мелкую купюру.

А потом отец и Лена решили взять меня к себе. С 1939 года я стал жить у них. Почему выбрали меня? Я был старший из троих братьев, наверное, был самый смывленный. А младшие – Боря и Юра остались жить с мамой.

До войны я успел окончить семь классов.

Дома о надвигающейся войне не говорили. Правда, мы замечали, что по железной дороге в сторону Полоцка чаще, чем обычно, шли военные составы.

После 1939 года в Шумилино появились польские беженцы. Их было человек восемь. Один из них снимал квартиру у мамы. Он работал столяром. Беженцы говорили о том, что творят немцы, о том, что они преследуют евреев. Но мало кто прислушивался к их рассказам.

22 июня утром по репродуктору передавали военные патристические песни. У нас дома был репродуктор, и, когда диктор сообщил, что в 11 часов с важным сообщением будет выступать Молотов, все собрались у большого репродуктора – «черной тарелки», которая висела около шумилинского радиоузла. Он находился около вокзала с правой стороны.

Когда сообщили, что немцы вероломно напали на нашу страну, установилась мертвая тишина. Мы были воспитаны на песнях: «Красная Армия всех сильней», «Нас не тронешь, мы не тронем, а нас тронешь, спуску не дадим...» Всем внушали, что война, если она начнется, будет вестись на чужой территории...

Потом началась суеда, паника. Люди забегали, мужчины пошли в военкомат. Через два дня приказали всем рыть в огородах землянки, держать там запас продуктов, воды. Ходили из райкома, райисполкома – проверяли. По вечерам проверяли светомаскировку, предупреждали, чтобы не включали свет.

Шумилино бомбили пару раз и то район железной дороги. Но немецкие самолеты через нас летали часто.

Польские беженцы как-то незаметно в первые же дни уехали из Шумилино, подальше от границы. Они понимали, что оставаться здесь опасно.

Если бы власти нас предупреждали, что немцы расправляются с евреями, цыганами, партийными, что опасность грозит женщинам, старикам, детям, люди бы поднимались и уходили. А так ведь никто ничего официально не говорил...

Отца мобилизовали на третий день войны. Но была такая неразбериха. Их отправили в сторону Смоленска. Потом решили вернуть обратно на запад. Отец забрал с собой ключ от ларька. Считал, что война продлится недолго, он вернется обратно и откроет свой ларек. Когда понял, что все гораздо серьезнее, закопал ключ под деревом, где-то на Смоленщине. Думал, когда пойдет обратно, откопает.

– После войны мы смеялись над ним, – грустно улыбается Давид Иосифович, – и спрашивали: «Ну, как, нашел ты свой ключ?» Он отвечал: «Не нашел даже место, где его закопал». Во время одной из бомбежек Иосифа Массарского тяжело контузило. В армии он прослужил до конца войны, но был уже в нестроевых частях.

Из Шумилино те, кто был побогаче успели уехать. Кто на подводах, кто в первые же дни по железной дороге. А старики, многодетные семьи... Куда им было двигаться?

– Утром 3 июня по радио выступал Сталин. Днем я сходил к маме, – продолжает свой рассказ Давид Иосифович. – Мы говорили, что, возможно, надо будет уходить из Шумилино.

Вечером Елена Семенюк сказала, что от военкомата уходят машины. Они поедут в Казьяновский лес, там мы переждем бомбежки, обстрелы, а потом вернемся домой. Она сказала: «Чего нам с твоей мамой отца делить? Пускай она тоже едет с нами и ребят возьмет. А если сама не поедет, пускай хоть кого-то из ребят отпустит. Там будет спокойнее». Елене дали подводу от райкома, мы погрузили в нее по одному «хатулю», больше брать не разрешали, взяли документы, самое необходимое на

первое время и заехали к маме. Я, как сейчас, помню, ее слова: «Ай, сынок, если суждено нам жить – мы останемся жить. Что мне немцы сделают? Я буду при них шить, как и сейчас шью». И она осталась дома, и два моих брата остались с ней.

Около военкомата стояло 16 или 17 машин-полуприцепов. В них погрузилось районное начальство и их семьи, семьи работников милиции, семьи армейского комсостава. Мы поехали в Казьяновский лес. Простояли там два дня. Потом приехал кто-то на мотоцикле, сказал, что немцы наступают и скоро будут здесь, нам надлежит двигаться в Россию в город Иваново.

Как и многих эвакуированных, нас переселяли с места на место, пока мы не оказались в Татарии. Жили в совхозе. Меня сразу определили подсобником к кузнецу, потом я учился на тракторных курсах и работал трактористом. Елена Семенюк заведовала столовой.

В ноябре 1943 года меня призвали в армию. Три месяца я учился в училище на воздушного стрелка-радиста, а потом попал на Северный флот. Воевал на Кольском полуострове. У меня 19 боевых вылетов. Награжден двумя орденами Отечественной войны, медалями. В 1944 году наш самолет подбили, меня ранило, мы сумели дотянуть до своих. Это был мой последний боевой вылет. Я попал в госпиталь.

В 1945 году, когда выписался из госпиталя, получил отпуск и приехал в Шумилино. Городок был разбит, много домов сгорело. Никого из довоенных друзей не встретил, все они погибли, но от соседей узнал, что произошло с мамой и братьями.

Немцы их, как и всех евреев местечка, закрыли в гетто. Приказали нашить на одежду желтые латы. Кушать ничего не давали. Люди болели, пухли от голода. Два моих брата незаметно выходили из гетто и отправлялись по окрестным деревням. Нашего отца там знали, говорили, что Массарского дети пришли, и давали хлеба, картошки, свеклы. Так они и жили. 19 ноября братья тоже ушли из гетто. А когда возвращались обратно, их встретили соседи и сказали, чтобы они не ходили туда. «Всех евреев увели и расстреляли». Но Борис и Юра побежали к гетто, там была мама, и они хотели узнать, что с ней. Из окна

одного из домов их увидел полицай. И на том же месте расстрелял моих братьев.

В Сиротино убили моего деда Хаима Красильщикова. Мне рассказывали, что полицай тянул его за бороду к месту казни.

В армии я прослужил до 1951 года.

Елену Семенюк, как только освободили наши места, вызвали в Белоруссию, она стала работать заведующей отделом агитации и пропаганды Улльского райкома партии. После демобилизации туда же вернулся и мой отец, стал снова работать заготовителем.

Я после демобилизации окончил техникум физкультуры в Витебске, потом – институт физкультуры. И до самой пенсии работал в техникуме, в училищах преподавателем.

Вот такая моя биография, такая история семьи Массарских.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ СТАРОСЕЛЬСКИХ

Эту историю поведал Соломон Старосельский. Сейчас он живет в израильском городе Бат-Яме. Но думаю, что воспоминания часто возвращают его в Витебск, и в городской поселок Шумилино, где прошло его детство. Соломон Старосельский написал очерк об истории своей семьи, и мы опубликовали его на сайте «Голоса еврейских местечек».

«Мои родители были простыми, как называлось в то время, совслужащими. Но с рождением в семье шестого ребенка мать стала домохозяйкой.

Отец, Израиль Рувимович Старосельский, родился в 1899 году в деревне Мишневичи Сиротинского района Витебской области. Воспитывался еврейской общиной как сирота (мать умерла при родах). Начальное образование – умение читать и писать – отец освоил в хедере при синагоге. Примерно когда ему исполнилось 13 лет, община направила его в Ригу, где он был определен на фабрику, изготавливающую чемоданы, сумочки и т.п. Получал солидные по тем временам деньги... Ах, если бы не эта проклятая война! – вспоминал он впоследствии, имея в виду Первую мировую войну.

Отец вернулся на родину, жил в семье отца, но, будучи самостоятельным человеком, сам зарабатывал на жизнь, арендуя панский сад на летний период, а на осень и зиму подавался на случайные заработки в Сиротино или на станцию Шумилино.

В это время отец встретил мою мать – урожденную Софию Яковлевну Массарскую, с которой они пошли под хупу в 1918 г. и прожили 46 трудных, но счастливых лет.

Мама родилась в 1901 г. в местечке Сиротино. Она была 15-м и 16-м ребенком в семье, так как она родилась в двойне. Трудиться начала с восьми лет. Работала в услужении у богатых евреев в лавке женской галантереи.

Ее родителей я знаю только по отрывочным воспоминаниям мамы. Дед Янкель был религиозным, умным человеком. Очень любил семью и делал все, чтобы вырваться из предельной бедности. Он пользовался авторитетом не только в еврейской общине. Мать вспоминала такой случай. Был конфликт между управляющим панским имением и населением местечка. На общем собрании было решено направить ходатая к пану. А пан в то время жил в Крыму. И ходатаем был избран Янкель. Не известно, каким образом пан узнал, что к нему по важному вопросу едет Янкель. Навстречу был направлен фаэтон. По результатам переговоров было принято решение, которое пан отразил в письме управляющему.

Бабушку звали Эстер. Все ее дети выросли способными и трудолюбивыми. Эти качества послужили хорошим основанием для становления их в Америке, куда они эмигрировали один за другим (уже со своими семьями) в первые 20 лет XX столетия. Один из них стал владельцем фабрики по пошиву дамской одежды. Он в 1932 г. прислал 72-летней Эстер полис на выезд в Америку. Правда, бабушка прожила после выезда не долго. В одном из немногих писем на родину она писала: «Я очень скучаю по нашей широкой природе, тишине и родным лицам. А здесь, в Нью-Йорке, я сижу на семнадцатом этаже, как сорока на кусте, целый день одна, в квартире, как наше сиротинское поле...»

В начале 30-х годов, по словам матери, в Шумилино существовал еврейский колхоз. Но он вскоре распался.

Работали евреи преимущественно ремесленниками в различного рода кооперациях, продавцами в магазинах, занимались закупкой продуктов питания, скота, вторсырья и т.п. у населения; кто имел своих лошадей, занимался извозом строительных материалов от станции Шумилино на строящийся на Добеевом Мху брикетный завод (1,5–2 км от Шумилино).

Вступающее в жизнь молодое поколение, юноши и девушки, окончившие десятилетку, уезжали в крупные города на учебу или работу, шли в Красную Армию.

Одно из моих первых впечатлений детства – это Первомай 1941 года. Демонстрация, флаги, улыбки на лицах, вперемежку «...уходили комсомольцы...» и «...фар дем лебен фар дем найем, фар дем либен хавер Сталин...» (за новую жизнь, за любимого товарища Сталина – перевод с идиша). А после демонстрации я видел много родных и близких лиц у ларька, бурно беседующих за кружкой пива. А немного позже я, как почти взрослый человек, пошел в клуб железнодорожников, где мои двоюродные сестрички пели со сцены: «...врагу мы скажем: нашу Родину не тронь...»

Но помнится и такое. Ранняя весна, снег, солнце во все окна нашего большого зала, посреди которого – раздвинутый стол, за столом суетятся молодые женщины и девушки все в муке, руководят ими мама и тетя Циля, а у печи командует дядя Гриша (муж сводной сестры отца), специально приехавший из Витебска.

Пейсах! А через несколько дней – эрстер сейдер (первый седер), большое застолье, родные лица. Конечно, чтение молитв (как теперь я понимаю), и, конечно, тревожный вопрос в разговоре: «Что будет? Яков только начал служить, а кругом шепчут – быть войне».

А спустя примерно две недели я наблюдаю такую картину. К нам в дом приходят соседские и те самые русские женщины, которые качали у нас мацу, нарядно одетые, с корзиночками в руках: «Христос воскрес, Соня Янкелевна!» и трижды целуются с мамой. В Шумилино не было православной церкви. Церковь (очень красивая) находилась в деревне

Лесковичи, в 5 км от Шумилино. Звон колоколов отчетливо слышен был в Шумилино.

У меня было очень много родственников в Шумилино. Все фамилии – Масарские, Уздины, Добромисловы, Казанские, Татарские – находились в родстве с фамилией Старосельские. Посмотрите, пожалуйста, на карту Беларуси. Вы найдете на ней населенные пункты, из названия которых проистекают названные выше фамилии. Значит, там мои корни! И эти корни основательно подрубил фашизм.

С началом Великой Отечественной войны отец был призван в ряды Красной Армии, а брат Яков, к тому времени политрук заставы, где-то под Рава-Русской вел первые бои с фашистами. Остальная часть семьи – мама, старший брат Зяма (1932 г.), я и младший брат Давид (1939 г.), благодаря настойчивости тети Леи и особенно ее сына Давида – инвалида финской войны, бежали из Шумилино на одной подводе. Домой, буквально на пепелища, семья вернулась в феврале 1946 г.

Шумилинских евреев, не сумевших убежать от нашествия, расстреляли 19 ноября 1941 года недалеко от брикетного завода. Среди них – девятнадцать моих родственников. Были среди исполнителей расстрела и полицаи. Недаром мой двоюродный брат Аркадий (Абба) Масарский, офицер Советской Армии, одним из первых ворвавшийся в Шумилино, несколько дней разыскивал предателя по фамилии Богатырев. Но тогда сволочей найти не удалось. Их разыскали несколько позже. В году, примерно, 1951 – 1953. Их судили, дали различные сроки. Для проживавших в то время шумилинских евреев обидней всего было ежедневно встречаться с людьми, сотрудничавшими с немцами, ничего не сделавшими для спасения людей вообще. А нам, пацанам, каково было зреть, как сын Богатырева лихо гонял на велосипеде по улицам городка, в то время, когда иметь свой велосипед было для нас запредельной мечтой.

Из евреев, стоящих на смертном бруствере, чудом спаслась одна девушка – Рая Татарская, моя троюродная сестра. Она была легко ранена. Упав в яму, потеряла сознание, а очнувшись от падающей на нее земли. Она быстро поняла, что единствен-

ный шанс для нее уцелеть – это терпеть и молчать. И, несмотря на продолжающуюся стрельбу, крики и стоны умирающих, она молчала, притворившись мертвой, и терпела весь ужас обстановки. Через несколько часов она выползла из могилы. Было уже достаточно темно, и она через кусты ушла в сторону лужанских лесов, набрела на деревеньку. Ни немцев, ни их прихлебателей в деревне не было. Ее приютили. А спустя определенное время Рая ушла в партизанский отряд.

После войны она жила в Ленинграде.

Надо сказать, что, несмотря на тяжелую оккупацию, мое Шумилино сопротивлялось фашистам. Подробно об этом в свое время (1955 – 1958 гг.) писала «Комсомольская правда». Моей семье было особенно приятно, что среди героев шумилинского комсомольского подполья значилась Наташа Герман – старый и искренний друг семьи.

Но, вместе с тем, мне очень обидно, что о такой легендарной фигуре, как Рувен Масарский, так называемая широкая общественность ничего не знает! А ведь живы его послевоенная жена – Надя и их сын – Михаил.

Я с большим трудом насчитал четырнадцать фамилий еврейских семей, проживавших в первые послевоенные годы в Шумилино. Мой незабвенный отец (с кем-то приехавшим из Витебска) летом 1946 г. восстановил все уцелевшие надгробия на старом еврейском кладбище. Они же положили первые простые камни на месте расстрела фашистами евреев Шумилино.

ПОТОМКИ ШУМИЛИНСКИХ ЕВРЕЕВ

Многие жители Шумилино погибли в годы войны: были расстреляны немецкими захватчиками и их приспешниками, легли на фронтах, в партизанских отрядах, умерли в эвакуации.

После освобождения Шумилинского района те, кто возвращались на родину, часто не находили родных, близких, на месте домов были пепелища, и они разъезжались.

В Германии я несколько раз встречался с Григорием Шайкевичем. Его предки – выходцы из местечек Витебской губер-

нии, жили в том числе и в Шумилино. И сейчас, живя вдалеке от родных мест, Григорий заинтересовался своей родословной. Он рассказывал мне о ней.

...У Гершона Свердлова и его жены Хаи было восемнадцать сыновей. Даже в первой трети XIX века такие многодетные семьи были редкостью. Семья была уважаемая, сыновья – красавцы и богатыри, и их, по-видимому, побаивались. Жили они в двух больших домах, пройти мимо этих домов было непросто, так как любимой игрой братьев были «Соловьи-разбойники». Все в округе называли их Шмуленками. Даже отъявленные громилы предпочитали с ними не связываться. Они жили в деревне недалеко от Сиротино.

Представители двух больших уважаемых семей Шайкевичей и Свердловых часто находили общий язык и вступали в браки. И поэтому получалось: если жена Свердлова, то муж Шайкевич, а если парень был Шайкевич, то в жены он брал девушку из семьи Свердловых. Даже имена в этих семьях периодически повторялись: Гирш, Хая, Нехама...

А уж объяснить, кто кому и кем приходился, и вовсе было сложно.

У прабабушки Нехамы Свердловой и прадеда Давида Лазаревича Шайкевича было трое детей: Хая, Нахман и Берл.

Старшая Хая вышла замуж за Гершона Свердлова. Гершон родился в Шумилино. Был младшим ребенком в многодетной семье: «оторвался» от остальных детей на 18 лет. Старшая сестра, кормившая грудью своего сына, кормила и его, так как у матери уже не было молока. Женился Гершон в 20 лет на своей родной племяннице, которая была на шесть лет моложе его. Он – умный, доброжелательный, умел выслушать всех, не задавая лишних вопросов и не навязывая своего мнения. Это была очень красивая пара. Они вырастили шестеро детей.

О сыне Давиде известно не много. Умер в 1930 году. О нем сегодня вспоминают благодаря его сыну Федору (Фое) Давидовичу Свердлову, который был профессором, преподавателем Московской артиллерийской академии им. Фрунзе. Он написал

несколько книг о евреях-участниках войны. Федор Давидович умер в 2002 году в Москве.

В 1925 году в местечке Оболь (ныне Шумилинского района) была образована еврейская сельскохозяйственная артель имени Энгайта. Председателем артели был Григорий Лившиц, членами правления – Слейма Гудкин, Гинзбург, Резник и другие. Там трудились и Шайкевичи. Артель владела хорошими лугами, посевными площадями и большим фруктовым садом. Было молочное стадо, подсобное хозяйство, своя маслобойка. Может быть, жизнь в еврейской сельскохозяйственной артели и наладилась бы, но пришло время обязательной коллективизации. Она сломала все прежние устои. Мои родственники покинули артель.

Местечко Сиротино – место рождения моей мамы Стеры Гиршевны Свердловой. Здесь прошли ее детство и юность.

Стера жила с мамой Ривой Завилевной и папой Хаимом-Смулом-Гирсом Юдовичем.

После окончания четырех классов еврейской школы Стера училась в школах Шумилино и Витебска, получила среднее образование и уехала в Ленинград. Она поступила в педагогический институт имени Герцена на годичные курсы факультета математики и физики...

После окончания войны Давид и Стера поехали на родину. Рано утром их встретила довоенная соседка. Она рассказала о страшных ноябрьских днях 1941 года, когда фашисты и полицаи расстреляли евреев местечка. В эти дни погибли родители Стеры. Они похоронены в братской могиле. Кроме фундамента от их дома больше они ничего не нашли.

Мои родители ходили по местечку и... уехали.

Но после войны от некогда многочисленного еврейского населения еще оставались крохи.

В 1970 году в Шумилино проживало 27 евреев.

Фаня Давыдовна Кусельман (в девичестве Тэв). Фейга, Фейгл – Птичка, если перевести с идиша. Так звали ее дома. Она и в правду была маленькой, доброй щебетуньей, однако умела постоять за себя, когда надо было.

Ее сыновья сражались на фронтах Великой Отечественной войны. И погибли, как герои. Давид – до войны был командиром гарнизонного Дома офицеров в Белостоке. Участвовал в боях с первого же дня. Погиб под Сталинградом.

Меер – ушел на фронт добровольцем. Умер от ран, полученных на поле боя, в госпитале Волоколамска.

Не было никаких вестей от младших сыновей Беньёмина и Рахмила. Через много лет после войны стало известно, что Рахмил погиб под Сталинградом...

Послевоенная жизнь была трудной, горе было почти в каждой семье: и еврейской, и белорусской. Может быть, поэтому оставшиеся в живых жили дружно, вместе встречали праздники, ходили друг к другу в гости, помогали чем могли.

Потеря сыновей, десятилетнее вдовство перед войной, тяготы военных лет, эвакуации рано состарили Фаню Давыдовну. Но была оптимисткой, помогала растить внуков, учила их уму-разуму. Она была мудрым человеком.

В 1970 году в Шумилино проживало 11 человек, считавших себя евреями.

Разлетелись по миру потомки шумилинских евреев. Их правнуки уже и не слышали такого названия – Шумилино. Для них это что-то из семейных легенд. Потомки Голенкиных живут в Израиле, там же потомки Эйдельсонов – в городе Хайфа, потомки Лурье – в Бат-Яме, Массарских, Раскиных – в Кирьят-Бялике, Нахамкиных – в Лоде, Эйдельманов – в Иерусалиме, Красельских – в Реховоте, потомки Рабинеров – в американском городе Сан-Хосе.

Потомки Эстровых и Альтмарков живут в России, в Казани – Каберманов, Казанских, Хесиных, Невов, Сувальских – в Санкт-Петербурге. В Беларуси живут потомки Будневичей – в Минске, Стеркиных – в Молодечно, Райкиных, Красельщиковых – в Витебске.

Я – МЕСТНАЯ

Сегодня население Шумилино приблизительно семь с половиной тысяч человек. Евреев можно пересчитать по пальцам. Меня интересовало: остались ли местные, родившиеся здесь, евреи? Мне посоветовали встретиться с Анной Моисеевной Гильштейн (Судариковой). Она в 1935 году родилась в Сиротино.

Анна Моисеевна долго расспрашивала: «Кто я? Для чего хочу поговорить с ней?». Потом стала отвечать на вопросы, но я чувствовал – она боится, а вдруг скажет лишнее слово.

Впрочем, таких собеседников я могу понять: они прожили десятилетия в стране, где инстинкт самосохранения подсказывал людям, о чем можно говорить, а о чем – лучше помолчать.

– Родители родом из Полоцка. Папа и мама рассказывали, что за Полоцком подряд шли три деревни: в одной жили поляки, в другой – староверы, в третьей – евреи. На месте этих деревень еще до войны появился военный городок «Боровуха».

Родители переехали в Полоцк. Папа – Моисей Абрамович Гильштейн, работал на кирпичном заводе, мама – Фрида Борисовна. У меня было два старших брата: Михаил, 1921 года рождения, и Володя.

У папы не было образования, вероятно, ходил в хедер, а может, в их деревне и хедера не было. Мама училась четыре года в школе.

Папа был проверенный коммунист, пролетарского происхождения, не состоял ни в каких уклонах, ни правых, ни левых. Не понимал даже, что это такое. И его отправили в Оболь председателем сельского совета. Меня тогда еще не было на свете. Когда я родилась, в 35-ом году, он уже работал в Сиротино председателем местечкового совета.

Потом папу перевели в Шумилино – директором хлебопекарни. Это было в 37-ом или 38-ом году.

Когда началась война, мы эвакуировались вместе с семьями военкомовских и коммунистов. Уехали на восток в Костромскую область с семьей Антона Владимировича Сипко – председателя райисполкома, теперь одна из улиц Шумилино носит

его имя. Папа еще оставался здесь. Он занимался эвакуацией имущества, а если не было на это возможности – его уничтожения. Он еще находился в Сиротино, когда в Шумилино уже были немцы. Потом папа нас нашел. Мы жили в городе Макарьево. Папа работал председателем Ладыгинского сельского совета, это в 20-ти километрах от Макарьево.

Вернулись мы в Шумилино в 45-ом году. Папу звали и в другие места, оставляли в Макарьево, в Полоцке, но он сказал: «Раз меня Сипко (в годы войны отважный партизанский командир, а после освобождения – снова председатель райисполкома – А.Ш.) зовет, надо ехать в Шумилино». Папа восстанавливал работу хлебопекарни. Тогда это был очень ответственный пост. Шумилино было сильно разрушено. Мало оставалось целых домов.

В 45-ом году вернулись в Шумилино и другие еврейские семьи: Галынкины, Нахамкины, Выдревичи, Массарские.

У нас здесь оставались две бабушки (одну звали Рива). Они перебрались в Полоцк. Думали, там родные живут, вместе будет легче переждать войну. Там они и погибли – были расстреляны.

– Как сложилась жизнь вашей семьи?

– Мои братья были на фронте. Папа работал до 1960 года, в 61-ом году он умер.

Я работала медсестрой в больнице. Я – местная, вся моя жизнь связана с Шумилино. Это моя родина.

ВОСКРЕСШАЯ ПАМЯТЬ

Начиналось все достаточно привычно. Последнее время многие люди среднего возраста, да и молодежь, хотят узнать, кем были их предки. Особенно это касается тех семей, где опасались, по тем или иным причинам, говорить правду. Белые пятна в семейной биографии считались более безопасными, чем откровенный рассказ о тех, кого власти записали в изгой.

Аниськов Анатолий Владимирович, вполне благополучный, состоявшийся человек, пришел в Еврейский общинный центр и не только рассказал о своей семье, но и принес ксерокопии документов.

Он сам родился в 1966 году в Орше. Отец – Аниськов Владимир Залманович, 1932 года рождения, мать – Аниськова Людмила Анатольевна.

Я листал документы и знакомился с именами, отчествами, которые ни о чем мне не говорили.

Дед – Аниськов Залман Ильич, бабушка – Аниськова Феодосия (Феня) Илларионовна.

Правда, в профсоюзном билете, выданном Союзом рабочих лесопильной и деревообрабатывающей промышленности центральных и южных районов, фамилия Залмана Иоселевича (а не Ильича) записана как Лизин. По профессии он был пожарником, вступил в профсоюзную организацию Стайковского лесхоза в 1918 году. Профсоюзный билет довоенного образца получил в 1940 году. А значит, фамилию поменял не в то время, когда женился. Думаю, что не менял он ее и перед самой войной. Погиб Залман Иоселевич в феврале 1942 года, когда фашисты расстреляли всех евреев деревни Стайки. Значит, в метриках его сына, выданных в августе 1949 года, фамилия

отца изменена уже без его ведома на фамилию Аниськов, чтобы сыну, а потом и внукам было проще жить. Люди, напуганные фашистским геноцидом еврейского населения, после войны в полной мере ощутили на себе сталинский государственный антисемитизм. Они стали бояться самого слова «еврей», еврейских имен и фамилий. Этим людям можно было понять. Газеты трубили, что евреи «беспачпортные бродяги», врачи-отравители, агенты зарубежных разведок.

– Дома никто не рассказывал о довоенной жизни в местечке. Какие-то отдельные фразы я слышал от отца, но определенной картины жизни семьи Лизиных или Лейзиных, как записано в материалах Государственной Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов, у меня, конечно, нет, – рассказал Анатолий Владимирович Аниськов. – Отец несколько раз бывал в Стайках. Мы жили в Орше, он дружил с человеком, который жил в Стайках, его фамилия Мороз или Морозов. 7 февраля каждый год у нас дома собирались, чтобы помянуть погибших. Теперь я понимаю, что поминали расстрелянных фашистами евреев.

Кое-что рассказывала мне бабушка. Из ее воспоминаний я знаю даже больше, чем из рассказов отца. Оно и понятно, отец был в годы войны ребенком. Я слышал о расстреле стайковских евреев. Но в детстве для меня это было где-то очень далеко и очень давно. Недавно я увидел в интернете фамилию Лизин. Это дало какой-то внутренний толчок. Я стал вспоминать, какие имена назывались дома.

Отец умер в 1997 году, так что расспросить подробности не у кого. Я стал интересоваться, смотреть архивные документы.

Дед был женат дважды. От первой жены, которая умерла в молодом возрасте, остались дети: Файвл, 1913 года рождения, Рахиль, 1918 г.р., Иосиф, 1921–1922 г.р., Роза, 1928 г.р., и Хаим, 1930 г.р.

Первая жена Залмана Лизина работала старшим поваром в Стайках. Вместе с ней поваром работала Аниськова Феня Илларионовна. Когда первая жена серьезно заболела, она попросила Феню присматривать за маленькими детьми. Та добросо-

вестно выполняла эту просьбу. Вскоре жена Залмана умерла. Феня продолжала смотреть за детьми, Роза и Хаим Лизины стали называть ее мамой.

– Через некоторое время Феня Илларионовна вошла в дом как жена Залмана, – продолжает свой рассказ Анатолий Владимирович Аниськов. – Она родом из Горецкого района. У них родилось еще двое детей: мой отец и его брат Анатолий, 1935 года рождения.

Умерла Феня Илларионовна Аниськова в 1987 году.

В годы войны бабушка жила в Стайках. Она рассказывала, что ее несколько раз немцы и полицаи хотели расстрелять, угнать в Германию. Она прятала двоих детей, рожденных от еврея. Говорила, что они больны тифом, и их не трогали, в дом не заходили.

Бабушка рассказывала, как после войны судили полиция, виновного в расстрелах в Стайках. Она в Богусhevск с подругой ездила, и они его узнали. Бабушка рассказала об этом милиционеру, и полиция задержали. Полицай взял после войны другую фамилию, скрывался. Бабушка и ее подруга рассказали, что он выдавал немцам евреев и был причастен к их расстрелу. Когда Феня Илларионовна давала показания в суде, рассказывала, как расстреливали людей, она в обморок упала.

У Файвла, который женился до войны, в Стайках росли дети: Вера, 1936 года рождения, Надя, 1938 года рождения, и Валентина, родившаяся в 1940 году.

Там же в Стайках жила Рахиль. Она была замужем и растила пятерых детей: Юду, Гирону, Химу, Серафиму и Абрама.

Запомнились слова отца: «Маленькой девочки испуганные глаза».

Хочу разобраться, кто была эта маленькая девочка. Двоюродная племянница отца – Сима? Отцу к тому времени было девять лет, а Симе шел четвертый. Где и при каких обстоятельствах отец видел Симу?

После войны в Стайках никого из наших не осталось. Мой дядя Анатолий Аниськов служил в Эстонии. Дом в деревне продали, и бабушка уехала к нему, потом перебралась к нам – в Оршу.

Может быть, у меня есть родственники, но как их найти? – на этом вопросе закончилась наша первая встреча с Анатолием Владимировичем Аниськовым.

С чего начать? Я разослал запросы в интернет-сайты, которые занимаются еврейской генеалогией. Получал полезные советы, но конкретики в них не было.

В Оршанском зональном архиве перекопал дела Богусhevского, Оршанского районов. В разное время Стайки входили то в один, то в другой район.

В национальную комиссию при Оршанском окружном исполкоме 16 июня 1930 года Богусhevский районный исполнительный комитет сообщал, что в поселке Стайки Стайковского сельского совета проживает 25 еврейских семей.

(Оршанский зональный архив. Ф. 1097, оп. 4, д. 61)

В тридцатые годы молодежь стала разъезжаться из Стаек. Перебирались в Оршу, Витебск, поступали учиться, устраивались на заводы и фабрики. За десять предвоенных лет количество еврейских семей сократилось вдвое.

На интернет-сайте Израильского музея Героизма и Катастрофы Яд-Вашем размещены списки расстрелянных евреев, в том числе в Стайках, а также то, на основании каких документов они составлены. Кроме архива Государственной Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, имелись листы свидетельских показаний. Я стал просматривать их. На одном из них был вписан Файвл Лизин. Документ заполнила в 2006 году Валентина Ивановна Адамович – дочь Файвла, живущая в Витебске.

Я рассказал об этом Анатолию Аниськову, и уже через пару дней он сообщил мне, что они готовы ехать в Стайки.

С нами ехал и сын Валентины Адамович – Сергей. Он живет в Витебске, является хозяином обувной мастерской.

Я расспрашивал Валентину Адамович о ее жизни. Она охотно рассказывала о том, что помнит.

– Но поймите меня, я с октября 1940 года, а по документам и вовсе с 1941 года, поэтому о военном времени знаю толь-

ко из услышанных мной рассказов, – предупредила Валентина Ивановна. – Нас в семье было трое детей: Вера, Надя и я. Отец – Файвл и мама Екатерина Ивановна. Как они познакомились, я не знаю. Мама не здешняя, она из Гродно.

Старшая сестра рассказывала мне, что мы во время войны в бункерах прятались, а мама всем говорила, что «мы русские, русские, русские...» Я была черненькая, меня накрывали одеялом с головой, чтобы никто не видел. Отца увели, когда мне было полтора года, но помню, как мама платок накинула и смотрела в окно, а мы слышали выстрелы...

После войны мама с нами поехала в Литву искать более сытой доли. В дороге ее обворовала лучшая подруга, и она осталась ни с чем. Мы были в Каунасе, вышли из поезда. Мама сказала: «Кричите, плачьте, вас подберут. А я устроюсь и обязательно найду вас». Нас подобрала милиция, там накормили и даже дали хлеба и колбасы. А потом нас – сестер, разлучили, отправили по разным детским домам. Я попала в один, они – в другой. После чуть нашлись. В детдоме записали, что мой отец Йонас – на литовский манер. После детдома я стала Валентиной Ивановной – так на русский манер прочли имя Йонас.

Это сейчас я знаю, что в феврале в Стайках расстреляли евреев. Убитые долго лежали на морозе, трупы окоченели, и потом их лошадьми тащили в яму, чтобы похоронить.

Одна моя сестра в Литве осталась, другая – живет в маминной квартире недалеко от Стаек в деревне Казечки.

Я после детского дома работала в совхозе в Витебском районе, вернулась сюда и жила в Стайках до 1962 года, потом работала в Витебске в строительной организации и снова часто бывала здесь. Так продолжалось до самого выхода на пенсию. И поверьте, не знала, где похоронен отец.

Никто этому не хочет верить. Поверить невозможно, – сказала Валентина Ивановна, и голос ее дрогнул. – Но так было. Об этом никто не вспоминал, мы сами не интересовались, где похоронен наш отец. Даже в День Победы на военные могилы ходили, возлагали венки, а на той братской могиле все зарастало кустарником и бурьяном.

Только тогда, когда я для Витебского еврейского благотворительного центра стала собирать справки, чтобы получать помощь, приехала в Стайки. Председатель сельсовета спросил: «Как звали отца?». Я отвечаю: «Файка». Он посмотрел в списки и сказал: «Был такой». Выдал мне справку и показал братскую могилу. Так я узнала, где похоронен отец. Судите, как хотите, такую мы прожили жизнь.

Когда первый раз сюда приехала, памятник плохенький стоял. Сейчас все отремонтировано, покрашено, убрано.

По рассказам старожилов, в военные годы на месте расстрела не было леса – кругом чистое поле, которое хорошо было видно из деревни. До опушки леса метров триста.

Еще до поездки в Стайки Анатолий Владимирович Аниськов узнал, что в Витебске живет Евгения Алексеевна Спиридонова. Она 1923 года рождения. Ее довоенные годы прошли в Стайках. Как-то, разговорившись со знакомыми, Аниськов рассказал про свои поиски, и ему посоветовали встретиться с Евгенией Алексеевной. Конечно, во всем этом есть доля случайности. Но больше – закономерности. Удача идет навстречу тем, кто совершает добрые дела.

Я приехал домой к Евгении Спиридоновой. Мы встретились во дворе. Не глядя на возраст, она бойко поднялась по лестнице на свой этаж, села в кресло и стала рассказывать. Правда, перед этим извинилась: «Если что-то забуду, учтите, мне уже 89-й пошел».

– До войны я жила в деревне Каменка. Еще до войны Стайки и Каменка почти соединились. Родители были крестьянами, работали в колхозе. Были безграмотными, но очень работающими людьми.

В Стайках я бывала каждый день. Училась там в школе. Школа была белорусская – восьмилетка. В классе было человек двадцать. Я окончила восемь классов перед войной. Учителей в лицо помню, а фамилии забыла. Была также в Стайках школа, в которой учились дети железнодорожников.

В поселке было пять улиц, клуб, в котором мы концерты ставили, магазин, около которого собирались люди, обсуждали но-

восты, проблемы. В Стайках железнодорожная станция, поезда останавливались. Они и сейчас останавливаются там, когда следуют из Орши в Витебск. Люди работали, в основном, на железной дороге, большинство из них жило в единственном кирпичном доме. Действовали машинно-тракторная станция, мельница.

Жили люди бедно. У нас дома радио не было. О том, что началась война, нам сообщил кто-то из железнодорожников. На станции висел громкоговоритель, и там услышали это сообщение.

Немцы оккупировали Стайки в середине июля 1941 года. Некоторое время наша молодежь копала окопы, которые потом не понадобились никому. Однажды прибежал наш человек, который руководил рытьем окопов, и сказал: «Бросайте лопаты и быстро уходите по домам». А на завтра, на рассвете, в Стайках уже были немцы.

Никто не пытался эвакуироваться, хотя железная дорога была рядом. Никто не пытался уйти на восток. Все остались под оккупацией. Думаю, люди не знали и не понимали реальной опасности. Никто об этом не говорил.

В Стайках перед войной жило 12 еврейских семей. Такая же беднота, как и мы. Я с тремя еврейскими девочками училась в школе. Их звали Хая, Вихна Фельгины и Фрума Финкельштейн. Хая и Вихна – мои ровесницы, Фрума была младше, но училась вместе с нами. Отец у Фельгиных работал кузнецом. Звали его Хацкель. Помню, где стояла их кузница. Они держали корову. Фрума жила с мамой, во второй половине их дома была аптека, в которой ее мама и работала. Добрые были люди, порядочные. Никакой разницы у нас не было: евреи, русские. Когда началась война, мы даже подумать не могли, что так может быть. Евреи у нас никому не мешали, никого не трогали.

Но полицаи были очень вредные. В один день они всех собрали в клубе. Сказали: на собрание. Приблизительно человек пятьдесят. Мы даже подумали, что нас закроют в клубе и сожгут. Не могу точно вспомнить дату, когда это было. Но снег не лежал или я не помню снега. Многие говорят, что расстреляли евреев в феврале 1942 года. А та зима была очень суровая и очень снежная. Может, было два расстрела?

Когда клуб закрыли, поставили охрану у дверей, полицаи зачитал список евреев. Приблизительно 8–10 человек, и отвел их в сторону. Мы поняли, что дело идет к самому плохому концу. И тут же полицаи скомандовали евреям на выход. В списке были Фельгины Хацкель, Хая, Фрума Финкельштейн, Вихна...

(...Не могу говорить, – сказала Евгения Спиридовнова, и на глазах у нее появились слезы. После продолжительной паузы она продолжила рассказ.)

– Поднялся крик, началась истерика, заплакали все – и евреи, и неевреи. Все поняли, что происходит и чем это закончится.

Когда евреев увели, никого другого из клуба не выпускали. Включили музыку на полную громкость, чтобы не было слышно выстрелов. Но выстрелы все равно были слышны, и мы под утро уже знали подробности. Ходили туда, на могилу...

Расстреливали, говорят, полицаи, всего несколько немцев было. Отвели евреев от клуба недалеко, на один километр, а то и меньше, по дороге на Новое Село.

До расстрела евреи жили в своих домах, отдельно евреев никуда не выселяли, гетто в Стайках не было.

Из-под расстрела убежала Вихна Фельгина, но в соседней деревне Чаплино ее выдали и расстреляли.

Фельгин – сын кузнеца Хацкеля, остался в живых. У нас его звали Элька Хацкеленок. Перед войной его призвали в Красную Армию. Прошел всю войну. В 1945-м вернулся в Стайки и никого из своих не встретил. Женился на белоруске Анастасии, у них родился сын. Они уехали в Богушевск и там жили.

После того, как фашисты расстреляли евреев, какое-то время в Стайках было затишье. Немцы никого больше не трогали, пока не началось партизанское движение.

Константин Заслонов до войны работал начальником депо железнодорожной станции Орши. Мы от Орши в 20-ти километрах. Наших много работало в Орше в депо до войны. Заслонов их знал и где-то в 42-м пришел к нам: якобы продавать краску. Он обошел все дома, где жили люди, работавшие в депо. Наутро мы узнали, что у нас полдеревни нет – Заслонов увел в

отряд. Рядом в соседней деревне Дубницы немцы расстреляли в отместку каждого шестого, будь то ребенок или старик.

В Стайках стоял полицейский гарнизон, и немцы стояли. Я жила в Каменке, но в Стайках у меня тетя жила, и я у нее бывала, считайте, каждый день.

В послевоенные годы Евгения Алексеевна Спиридонова жила в Витебске, окончила торгово-финансовый техникум, работала ревизором, главным бухгалтером. В Стайках бывала редко, но, когда ездила на родительские могилы, обязательно подходила к тому месту, где расстреляли евреев.

Мы решили встретиться с довоенными жителями поселка Стайки. Может, кто-то из них вспомнит семью Лизиных (Лейзиных). Время неумолимо, и стайковских старожиллов осталось немного.

Наш первый визит был к Ивану Ерофеевичу Пульянову. Он родился в 1928 году здесь, в Стайках. До войны их дом стоял на том же месте, где и сейчас.

Иван Ерофеевич взял в руки фотографии из семейного альбома, которые привез с собой Анатолий Аниськов. Одел очки. Долго и внимательно разглядывал каждый снимок, а потом сказал:

– Хаима Лизина помню и Иосифа – помню. Иосиф учителем до войны был, но преподавал не у нас. Когда война началась, он сюда приехал. Мы не далеко от них жили. Их дом стоял на повороте.

Когда евреев расстреливали, снега почти не было. Морозов больших тоже не было. Хоронил их один старик, в Стайках жил. Я ходил на эту могилу. Полянка там раньше была, теперь это место дубами засажено. Евреев собрали вечером по домам полицаи и повели на расстрел. Иосиф Лизин пытался убежать. Пробежал метров триста, и его застрелили.

Спасся, насколько мне известно, один еврей из Польши Арон Гельцкий. Он у нас появился после 1939 года, когда польские беженцы здесь оказались. Его отец в магазине торговал. Младший брат со мной учился в школе, а Арон был в девятом классе. После войны Арон приезжал, а куда потом делся, не знаю.

Мы вышли на деревенскую улицу и стали обсуждать услышанное. Вероятно, был не один расстрел в Стайках, а несколько. И как это обычно делали фашисты, вначале были расстреляны мужчины и молодые женщины, те, кто мог оказать сопротивление, а потом уже добрались до стариков, многодетных женщин и детей.

...На лавочке на позднем осеннем солнце грелись и вели неспешную беседу пожилые женщины. Мы подошли и познакомились.

Валентина Плешко (Баркуль), 1924 года рождения. Здесь в Стайках и родилась. Нина Мясова (Витковская) тоже местная жительница, но на десять лет моложе, 1934 года рождения.

И они долго разглядывали фотографии и, вернув их нам, покачали головами: «Не узнали».

– Залмана Лизина помним, – сказали женщины, – на мельнице работал. Сына его помним Иосифа, учителем был. У нас потом рассказывали, что, когда их повели на расстрел, Иосиф крикнул: «Бейте их лопатами».

– Кому крикнул? – спрашиваю я. – У кого были лопаты? Кого бить надо было?

– Не знаем, – ответили женщины. – Так рассказывали. Он крикнул, и сам не утек (не убежал – бел.).

Собирали евреев полицаи, немцев на расстреле было три или четыре человека. Евреев в лес завели шесть или восемь человек и расстреляли там. Еще холодно не было, и снега не было. Мы ходили туда, – сказали женщины. – Стежка (тропинка – бел.) была без снега. Убежал Арон, молодой хлопец из школы, батька в магазине работал. Рувина мама убежала – живой осталась.

Следующий визит был к Кларе Тулинской (Черепановой). Она тоже довоенный местный житель. Долго разглядывала фотографии, потом отложила их в сторону.

– Ночью евреев забрали полицаи и повели в лес. Про то, что евреев собирали в клубе, не помню, не слышала. Расстреляли паразиты-полицаи: Малюшевский, Балахонов, и еще был один зверюга, не помню его фамилии. Они были приезжими, но до войны жили в Стайках. А после войны один из них появился у нас, грудь в орденах. Жена его тут жила. Стал рассказывать,

как воевал, как немцев бил. Думал, у людей память отсохла. Когда ему сказали в сельский совет явиться, он понял, в чем дело, и сбежал. А потом и его жена исчезла куда-то.

Файка, Рохля, Абрам, Хаим Лизины жили рядом с магазином. Длинный такой дом сейчас стоит, их хата рядом была, разобрана сейчас. Залман работяга был, но богатства не нажил. Сын у него был учитель – Иосиф. Мой дядька, мамин родной брат, жил с ними по-соседству. Он с семьей ушел в партизаны. Они и Иосифа звали с собой. Он не женат был. Мог бы уйти, но остался. На каждых дверях в поселке было написано, сколько в хате живет человек, кто с какого года. Написали полицаи. И если кого-то не досчитаются, всю семью могли расстрелять. У Лизиных столько народу было, и детей малых полно. Наверное, Иосиф из-за них не ушел в партизаны. И их не спас, и сам погиб.

Осенью был расстрел. Брат прибежал и сказал, что евреев расстреливают.

Меня саму в 1943 году забрали в Германию. Всю нашу молодежь в Германию вывезли на немцев батрачить. Я вернулась в Стайки в 1945 году. Кое-какие довоенные дома остались, а какие-то сожгли немцы, когда отступали.

Мы приехали к месту расстрела стайковских евреев. В лесу, от дороги метрах в двухстах, стоит аккуратный памятник, металлическая ограда свежеевыкрашена голубой краской. Убраны сухие ветки, старые листья, посажены цветы. За памятником смотрят и ухаживают за этой территорией.

После войны на братской могиле (вероятно, кто-то из местных жителей или родственников погибших) установили большой камень, чтобы помнили это место.

Памятник, на нем прикреплена мраморная табличка с именами расстрелянных, был установлен где-то в середине 80-х годов. Стайки входили в колхоз «Победа», потом в колхоз «Нива», руководил ими Коваленко Н.В.

По рассказу председателя Межевского сельского совета Николая Сергеевича Барковского, который поехал с нами к месту расстрела этот памятник был поставлен стараниями Коваленко. Сейчас за памятником присматривают местная школа

и сельский совет. Собираются заказать новую табличку, чтобы лучше читались фамилии погибших.

Анатолий Аниськов, Валентина Адамович и ее сын Сергей положили к памятнику цветы и камушек, постояли несколько минут в молчании, и мы отправились дальше. Анатолию Владимировичу предстояло новое знакомство с родственниками – старшей сестрой Валентины Ивановны – Верой Файвовой Ивановой (Хлусевич) и ее сыном.

Вера Файвовна живет в деревне Казечки, в доме, в котором жила ее мама Екатерина Ивановна.

Нас ждали, стол был накрыт, и по праву старшей сестры Вера Файвовна строго спросила у Валентины Ивановны: «Почему так долго? Картошка остывает». Мы стали рассказывать, где были, что видели. Прежде, чем сесть за стол, Анатолий Владимирович показал фотографии из своего семейного альбома. В ответ, ни слова не говоря, Вера Файвовна достала свой семейный альбом. Многие фотографии были идентичны. Это стало лучшим подтверждением, что родственные связи определены абсолютно верно.

А потом с некоторыми перерывами на тосты и закуску я слушал рассказы. Но, в первую очередь, рассказ Веры Файвовой:

– Мне 76 лет. Я здешняя, родилась в Стайках. До войны мне было пять лет. Кое-что из того времени все же помню. Бабушку помню, отца помню – был чернявый и кучерявый. Мы бегали по улицам, играли. Там, где сейчас железнодорожная станция, стоял кирпичный дом, сейчас его нет. Дорога шла от вокзала прямо к нашему дому. Большой у нас был дом, на две половины. Во второй половине Морозов жил. Он работал начальником железнодорожной станции Стайки. Жили Лезины и Морозовы очень дружно.

Мой батька работал вместе с дедом на мельнице. Она находилась при въезде в поселок: железная дорога, а следом – мельница. Они вдвоем работали там. Батька водил меня в лес за грибами. Сажал на плечи и говорил: «Смотри далеко, все увидишь». Под елки я любила лазить, грибы собирать. А вот лица его не помню. Хочу вспомнить и не могу. Деда Залмана

помню: небольшого роста, седой, крепкий очень, два мешка мог легко унести.

Помню, как бегала к деду, сестру возьму – и к нему. Младшая сестра очень любила у деда что-нибудь стянуть, то ложку, то кружку возьмет. Мама заставляла все относить обратно.

Когда началась война, в Стайках собрались все Лизины. Думали, здесь тихо будет, немцы в деревнях никого трогать не станут. Да и всем вместе как-то спокойнее.

Ночью их всех расстреляли, зимой это было.

Я с мамой была дома, батька спал на печке. Пришли полицаи и забрали его. Мама пошла к Фене Илларионовне Аниськовой, и они видели, как расстреливали. Мама у нас была русская и, наверное, поэтому нас не тронули.

Пленные красноармейцы копали могилу. И красноармеец стукнул полицая лопатой по голове. Пленных солдат на месте расстреляли и там же закопали, вместе с евреями. Кто-то пытался убежать, говорят, дед пытался, но его убили.

Пока отец работал на мельнице, была мука в доме, и голода не было, когда расстреляли – худо стало.

...После войны я оказалась в детдоме в Литве. Мама приезжала к нам два раза. Потом я училась в ремесленном училище. Вернулась сюда, в родные края. Пошла работать в колхоз. Вышла замуж и уехала с мужем на север, он в армии служил. А потом снова сюда. Вот так и жизнь прошла...

На прощание мы вышли во двор дома и сделали коллективную фотографию. Если мы видел мельник Залман Лизин, какими станут его внуки и правнуки!

СОДЕРЖАНИЕ

УНЕСЕННЫЕ ВЕКОН.....	3
ШУМИЛИНСКИЕ ВСТРЕЧИ	48
ВОСКРЕСШАЯ ПАМЯТЬ	90

Библиотека журнала «Мишпоха»
Серия «Мое местечко»

Литературно-художественное издание

Шульман Аркадий Львович

УНЕСЕННЫЕ ВЕКОН

Очерки

Редактор и корректор Е.Л. Гринь
Компьютерное макетирование,
верстка, дизайн обложки А.Р. Фрумин

На обложке использован рисунок Бориса Хесина.

Фотографии из архива журнала «Мишпоха» и семейных архивов.